ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

2 2017

16+

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Международный научный журнал

№ 2 (02) / 2017

ISSN 2587-8573

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Члены редакционной коллегии:
Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*
Кенесов Асхат Алмасович, *кандидат политических наук*
Курпаяниди Константин Иванович, *PhD*
Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*
Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Руководитель редакционного отдела:
Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор:
Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич
Верстка: Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.
Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».
Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.12.2017. Цена свободная.
Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ
Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*
Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*
Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*
Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*
Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*
Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*
Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*
Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*
Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*
Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*
Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*
Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*
Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, *доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)*
Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Кыят Эмине Лейла, *доктор экономических наук (Турция)*
Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*
Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук *(Азербайджан)*
Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*
Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*
Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*
Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*
Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*
Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*
Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Вус М.А., Макаров О.С.
Четверть века законодательного регулирования института государственной тайны на постсоветском пространстве 1

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Акимова И.В.
Некоторые особенности порядка ведения реестра контрактов для заказчиков в соответствии с нормами Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» 7

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Костылев А.К., Клочко А.А.
Особенности оценочной деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе. 11

Осипенко А.О.
Ответственность управляющей организации при исполнении полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества 14

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дюдиков Р.Р.
Об институте мировых судей в России 18

Ильина В.И.
Урегулирование отдельного вида договора розничной купли-продажи с участием коммивояжера 20

Смага Т.А., Шпак А.П.
Гражданско-правовой статус должника в структуре обязательства. 21

Шпак А.П., Смага Т.А.
Понятие партнёрства коммерческих организаций и публичных образований — Российской Федерации, субъектов федерации, муниципальных образований. 25

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Насер Б.Ш.
Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств 28

Стрюковатый В.В.
Соотношение положений Гражданского и Семейного кодексов РФ, регулирующих имущественные отношения супругов 31

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Фролов С.А.
К вопросу о классификации земельных споров 35

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Амбадыкова Г.А.
Координационное совещание как основная форма координации правоохранительной деятельности по борьбе с международной преступностью 38

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Витушкина Е.В.
Принесение прокурором официального извинения как форма возмещения морального вреда реабилитированному лицу в уголовном судопроизводстве 41
Вострикова Д.Д.
Проблемы квалификации убийств, сопряженных с другим преступлением. 44
Горячкин Н.С.
Совокупность преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1 УК РФ 47
Морева Е.Ю.
Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе 50
Танасейчук Я.В.
К вопросу квалификации доведения до самоубийства 53

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Белкова Г.Г.
Некоторые проблемы криминалистической экспертизы видеоизображения 57

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Четверть века законодательного регулирования института государственной тайны на постсоветском пространстве

Вус Михаил Александрович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН

Макаров Олег Сергеевич, доктор юридических наук, доцент
Институт национальной безопасности Республики Беларусь (г. Минск)

В статье говорится о развитии законодательного регулирования института государственной тайны на постсоветском пространстве, в государствах — членах ОДКБ. Характеризуется новый, принятый Парламентской Ассамблеей модельный закон ОДКБ «О государственной тайне».

***Ключевые слова**: государственная тайна, служебная тайна, органический закон, модельный закон, ОДКБ*

Введение

Секреты и тайны — неотъемлемые и жизненно важные атрибуты социальных отношений. В русском языке понятия «тайна» и «секрет» фактически используются как синонимы: «Тайна» — это всё сокрытое, неизвестное, неведомое кому-либо; нечто скрытно хранимое, скрываемое от кого-либо с намерением;... нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет». [1, с. 733; 815] Однако являясь синонимами, будучи включенными в правовое поле эти категории несут в себе различное содержание. Различия проявляются и с точки зрения их применения в практической деятельности. Так, если на практике обобщающий термин «тайна» обозначает необходимость повышенного внимания и особого отношения к совокупности секретов, которые включает в себя тайна, то «секрет» — это то совершенно конкретное, что подлежит скрытию, «содержится в тайне от других». [2, с. 124]

Понятие тайны сопутствует государству на всех этапах его развития. Жизненные потребности вызвали появление института охраны тайн. Тайна, как объект защиты государства, выступает в роли политико-правовой категории. В области практического применения сегодня можно насчитать более тридцати видов различных тайн. Выбор приоритетов в вопросах их охраны — задача политическая.

Государственная тайна позиционируется как инструмент обеспечения безопасности, нацеленный на сохранение в тайне особо значимых сведений в стратегически важных для государства областях деятельности. Институт государственной тайны носит публично-правовой и ограничительный характер, регулирует общественные отношения по поводу защищаемых сведений, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства. Это часть информации, которая изъята из свободного оборота.

Законодательное регулирование сферы защиты государственной тайны — это важный элемент суверенитета и обеспечения безопасности государства. Законодательство о государственной тайне является своеобразной границей между закрытостью информации, гарантирующей безопасность государства, и свободой доступа к открытой информации. В этой сфере требуется максимальная правовая определённость не только с позиции публичных интересов, но и с точки зрения защиты индивидуальных прав и свобод. Рамки, принципы и уровень законодательного закрепления института государственной тайны являются показателями развитости правовой системы государства.

I. Факты из недавней истории

Ещё четверть века назад защита тайн осуществлялась в нашей стране, главным образом, на основе принципа «максимальной секретности», в соответствии с которым доступ ко многим видам информации был жестко ограничен. В сентябре 1991 г. (в тогда ещё единой стране) Ленинградский Союз учёных инициировал проведение в Библиотеке Академии наук СССР конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны», которая обратилась к Председателям Верховных Советов РСФСР, Белорусской и Украинской ССР с письменным призывом о содействии скорейшему принятию закона о государственной тайне. [3, с. 78]

Законодательного регулирования институтов тайн в СССР не было. В условиях всеобъемлющей государственной секретности отношения в этой сфере регулировались не законом, а подзаконными актами,

в большинстве своём закрытыми. Первым официальным государственным актом на советском пространстве, постулировавшим необходимость законодательного оформление института государственной тайны, явилось Постановление «О Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятое Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. [4]

Пункт второй статьи 13 принятой этим Постановлением Декларации гласил: «Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться законом только в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается законом». (Использование здесь семантической конструкции «перечень сведений» явилось следствием применявшегося в нашей стране перечневого механизма засекречивания сведений.)

Следует обратить внимание, что категория «служебная тайна» в перечне видов ограничений доступа к информации в названной российской Декларации не упомянута. Позже вопрос об установлении конституционных гарантий тайн был объектом рассмотрения Конституционного совещания, которое сочло не целесообразным включать понятие «служебная тайна» в текст российской Конституции. [5, с. 223]

В дальнейшем российский законодатель, руководствуясь конституционной триадой «личность — общество — государство», придал статус конституционно-правового института личной и семейной тайне, тайне сообщений и государственной тайне. При этом государственная тайна представлена в виде правового института с ярко выраженным публично-правовым характером. Российские исследователи справедливо отмечают, что использование термина «государственная тайна» в Основном законе служит основанием для отнесения защиты государственной тайны к конституционным ценностям. [6, с.4]

Закон Российской Федерации «О государственной тайне» был разработан и принят Верховным Советом РСФСР 21 июля 1993 г. Предметом этого закона является институт государственной тайны. Для сведений, отнесенных к государственной тайне, законом установлены три степени секретности с одинаковым сроком засекречивания сведений. Этот закон (в редакции 1997 г.) действует по настоящее время; его конституционность была подтверждена Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации. [7]

Образование после распада СССР независимых государств повлекло энергичное развитие на постсоветском пространстве национального законодательства. Первым на постсоветском пространстве в обсуждаемой сфере появился в феврале 1993 г. закон «О защите государственных секретов Республике Казахстан». В 1994 г. аналогичный закон был принят в Кыргызской Республике, а также первые законы «О государственных секретах» в Республике Беларусь и «О государственной тайне» в Таджикской Республике. Республика Армения приняла в 1996 г. закон «О государственной и служебной тайне». Таким образом, уже изначально в независимых национальных государствах на постсоветском пространстве зародились различные правовые модели базовых законов со своими предметами правового регулирования и понятийным аппаратом.

На становление и развитие основ защиты сведений, составляющих государственную тайну, в постсоветских государствах во многом оказала влияние ранее существовавшая в СССР система защиты государственных секретов, в практике которой использовалась обобщающая категория «государственные секреты», объединявшая государственную, военную и служебную тайны. При определённых различиях и уровне разработанности действующих сегодня в национальных государствах соответствующих нормативных актов, в целом, процедуры засекречивания и рассекречивания законодателями этих государств понимаются одинаково. Для разделения сведений на категории применяется оценочный (экспертный) подход к определению критерия их дифференциации. Вместе с тем, исследователи отмечают общие для всех постсоветских государств проблемы. К таким проблемам можно отнести недостаточную разработанность на научном уровне понятийного, методологического и терминологического аппарата государственной тайны. Единообразный научный подход к определению понятия государственной тайны, его соотношению со служебной тайной законодателем не выработан. Являясь видовым понятием общеправового понятия тайна, государственная тайна во многом тяготеет к правовым проблемам последней. [8, с. 19–20]

За четверть века, истекшие после принятия в Российской Федерации закона «О государственной тайне», произошли определённые изменения в обществе, экономике, технологиях, изменения внешних и внутренних угроз безопасности государств. Коммерциализация информации и глобальная информатизация общества привносят новые угрозы и риски. Все это даёт основание специалистам говорить о кризисе института государственной тайны, необходимости реформирования данного института, пересмотра его места в системе обеспечения национальной и международной безопасности, ревизии методов его обеспечения. [9, с. 33–34]

Реалии международной обстановки, новые политические и экономические условия актуализируют задачи совершенствования защиты информации. Актуальность проблемы защиты государственной тайны находит своё отражение в стратегических и доктринальных документах государств, излагающих систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности. Президент России В. В. Путин, выступая на коллегии ФСБ (16.02.2017), указал на необходимость совершенствования защиты сведений, составляющих государственную тайну, в том числе с учётом тенденций распространения и использования новых информационных технологий.

II. Организация Договора о коллективной безопасности

Полтора десятилетия назад на постсоветском пространстве в целях обеспечения и укрепления национальной, региональной и международной безопасности была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Сегодня ОДКБ — организация военно-политического сотрудничества, многофункциональная интеграционная структура безопасности, важный фактор военно-политической стабильности в Евразии. Её членами являются шесть государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан.

Защита государственной тайны является как важной самостоятельной функцией для каждого государства, так и совместной задачей, решаемой всеми государствами — членами ОДКБ. Интеграционные процессы, потребности обеспечения безопасности от новых угроз регионального и глобального характера требуют расширения международного информационного обмена, в том числе в сфере государственных секретов. Государствами — членами ОДКБ было заключено Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации (2004). Сотрудничество государств требует определённой международной унификации при установлении степеней и грифов секретности, единства подходов к пониманию ценности защищаемой государством информации.

Важным направлением уставной деятельности ОДКБ и важнейшей задачей законотворческой деятельности её Парламентской Ассамблеи (ПА ОДКБ) является гармонизация национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности. Принимаемые ПА ОДКБ модельные законы и рекомендации — это законодательные акты рекомендательного характера, призванные служить целям гармонизации и сближению правового регулирования конкретных видов (групп) общественных отношений.

Одним из первых актов, принятых ПА ОДКБ, стали Рекомендации по сближению национального законодательства государств — членов ОДКБ по вопросам защиты государственной тайны (2010). Такое сближение должно преследовать своей целью упрочение и обеспечение национальной и коллективной безопасности посредством осуществления согласованной политики и совместных мер по защите засекречиваемой информации. В принятом ПА ОДКБ документе отмечалось, что «базовым различием правового регулирования отношений в сфере оборота государственных секретов в законодательстве отдельно взятых государств представляется толкование основных понятий». Рекомендации акцентировали внимание на необходимости определённой унификации законодательства государств — членов ОДКБ, изучении и заимствовании наработанного в национальных государствах опыта. [10, с. 12–19]

В настоящее время в государствах членах ОДКБ имеют место четыре модели законов в сфере государственной секретности со своими предметами правового регулирования и понятийным аппаратом. Это законы: «О государственной тайне», «О государственной и служебной тайне», «О государственных секретах» и «О защите государственных секретов». Новый закон Республики Таджикистан «О государственных секретах» (2015) имеет ряд принципиальных отличий от традиционной модели правового регулирования. [11, с. 114–115]

В национальных законодательствах государств — членов ОДКБ используется трехуровневое деление засекречиваемой информации по степеням секретности. При этом для сведений, являющихся государственной тайной, большинство национальных законодательств отводят два ограничительных грифа: «особой важности» и «совершенно секретно». Нижний гриф и реквизит «секретно» используется для обозначения сведений, составляющих служебную тайну. Сроки засекречивания различных категорий сведений могут быть различны. В Российской Федерации, напротив, для сведений, отнесенных к государственной тайне, используются все три грифа секретности с одинаковым максимальным сроком засекречивания сведений. Вместе с тем, как неоднократно обращали внимание специалисты, сведения с грифом «секретно» по своему содержанию являются служебной тайной и должны защищаться иными правовыми средствами, нежели институт государственной тайны. [12, с. 220]

III. Модельный закон ОДКБ «О государственной тайне»

Первая попытка сближения законодательных подходов к защите государственной тайны была предпринята ещё в 1999 г. Межпарламентским Комитетом пяти союзнических государств, ставших позже членами ОДКБ. Межпарламентский Комитет принял разработанный комиссией по внешним связям и безопасности модельный закон «О государственной тайне». [13] Однако этот опыт оказался не востребованным.

В 2003 г. Межпарламентской Ассамблеей Содружества Независимых Государств был принят модельный закон «О государственных секретах» [14], прототипом для которого послужил принятый ещё в 1999 г. одноимённый закон Республики Казахстан. Как отмечают исследователи, подход, закрепленный в этом модельном законе, не способствует формированию единообразного понимания природы государственной тайны. [15]

Программа законотворческой деятельности ПА ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств — членов ОДКБ на 2016–2020 гг. предусматривала подготовку модельного закона ОДКБ «О государственной тайне». [16] Законопроект разрабатывался российскими и белорусскими учёными. Модельный закон принят 13 октября 2017 г. на 10-м пленарном заседании ПА ОДКБ в Санкт-Петербурге. Комментарием на это событие откликнулась газета «Известия». [17]

Предметом регулирования нового модельного закона является институт государственной тайны. При его

подготовке использовались результаты научных исследований и рекомендации специалистов, материалы диссертаций, авторские публикации. Разработчики закона исходили из постулата, что «государственная тайна» и «государственные секреты» — суть различные правовые категории. Материалы разработки представлялись на научно-практических конференциях, заслушивались на заседаниях Экспертно-консультативного совета ПА ОДКБ, парламентских комиссиях. По этим материалам был подготовлен и вышел в свет ряд публикаций. [18, с. 3–7]

Принятый ПА ОДКБ модельный закон регулирует отношения по поводу повышенной важности сведений, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства и общества. Такие отношения следует рассматривать как разновидность конституционных правоотношений, поскольку имеющий публично-правовой и ограничительный характер институт государственной тайны ограничивает основные конституционные права и свободы граждан. В силу этого правовая легализация института государственной тайны должна осуществляться нормативными актами, имеющими высшую юридическую силу.

В Российской Федерации существует доктринальное понятие конституционного закона. В зарубежной конституционной практике употребляется понятие органического закона, близкое к понятию конституционного закона. В качестве таковых рассматриваются законы, касающиеся определенного круга вопросов, которые «органически» вытекают из Конституции; в тех случаях, когда принятие таких законов предусмотрено Конституцией, или когда они конкретизируют её положения. [19, с. 197–198]

Новеллой нового модельного закона ОДКБ «О государственной тайне» является рекомендательная норма о необходимости придания национальным законам, разрабатываемым на его основе, статуса органического (конституционного) закона. Такой подход призван усилить системообразующую роль самого закона о государственной тайне и придать большую системность правовому регулированию её оборота.

С учётом существующего сегодня различия моделей действующих в государствах — членах ОДКБ национальных законов представилось рациональным, в целях достижения единства подходов и непротиворечивости правовых норм, предложить для модельного закона ОДКБ «О государственной тайне» юридическую конструкцию с двумя степенями секретности сведений, относимых к государственной тайне: «Совершенно секретно» и «Совершенно секретно — Особой важности». При таком подходе этот модельный закон опосредует исключительно правовую категорию «государственная тайна» в границах, уже очерченных для неё национальными законодательствами. (Только эти два грифа секретности относятся к сведениям, являющимся государственной тайной, в законах государств — членов ОДКБ кроме Российской Федерации.)

По своему структурному построению новый, принятый Парламентской Ассамблеей модельный закон ОДКБ «О государственной тайне» близок к российскому закону «О государственной тайне» и к модельному закону СНГ «О государственных секретах»; он состоит из преамбулы и 7 разделов (включающих 31 статью).

В первом разделе закона «Общие положения» определены сфера его действия, понятийный аппарат, полномочия органов государственной власти и должностных лиц в области отнесения сведений к государственной тайне и её защиты. Понятие «государственная тайна» определено в модельном законе как защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, несанкционированное распространение которых может нанести ущерб или повлечь тяжкие последствия для национальных интересов государства и общества, их безопасности и обороноспособности, а также создать реальную угрозу безопасности либо конституционным правам, свободам граждан и их законным интересам. (Таким образом, речь идёт не только о возможном ущербе, но и о создании угрозы его наступления, а сам предмет защиты очерчен конкретными областями государственной деятельности.)

Во втором разделе модельного закона «Государственная тайна государства: пределы и принципы секретности» границы перечня сведений, относимых к государственной тайне, определены рамочным образом: «Сведения, которые могут ...» и «Сведения, которые не могут быть отнесены к государственной тайне». При этом расширен перечень принципов отнесения сведений к государственной тайне и их засекречивания; помимо «хрестоматийных», каковыми являются законность, обоснованность и целесообразность, в число таких принципов включены также уважение права собственности на информацию и соотнесенность с системами защиты зарубежных государств.

В разделе закона «Владение, пользование и распоряжение сведениями, составляющими государственную тайну» прямо определено, что государственная тайна является собственностью государства, а защита государственной тайны отнесена к видам деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства.

Допуск к государственной тайне определяется в модельном законе как процедура оформления права граждан на допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, а предприятий, учреждений и организаций — на проведение работ с использованием таких сведений. Закон устанавливает, что при оформлении допуска гражданин приобретает административно-правовой статус лица, которому может быть предоставлено право ознакомления и работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

В разделе закона «Защита государственной тайны» на основе материалов опубликованных исследований и защищённых диссертационных работ по данной проблематике конкретизировано содержание понятия «угроза безопасности государства», включающее основания для отказа в допуске лиц к сведениям, составляющим государственную тайну. Таким основанием, в частности, будут являться «подтверждённые контакты с участниками террористических организаций и организованных преступных группировок». [20, с. 9–10]

Ответственность за организацию защиты сведений, составляющих государственную тайну, в органах государственной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях возлагается на их руководителей. Условия по защите таких сведений должны создаваться в органах государственной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях до получения (начала разработки) ими таких сведений.

Закон предписывает, что состояние защиты государственной тайны в подведомственных организациях должно учитываться при проведении государственной аттестации их руководителей. Важной является норма закона об укомплектовании подразделений по защите государственной тайны специалистами основного профиля работ, возраст которых не должен превышать предельного возраста, законодательно установленного для нахождения на государственной службе.

Отдельными статьями принятого закона определён порядок передачи сведений, составляющих государственную тайну, другим государствам или международным организациям, вопросы защиты государственной тайны иностранных государств, секретов международных организаций и межгосударственных образований.

Принятие модельного закона ОДКБ «О государственной тайне», правовая легитимация этой категории в границах, уже очерченных для неё национальными законодательствами, должна способствовать укреплению данного правового института.

В заключение

Государственная тайна — непростое и достаточно противоречивое социально-правовое явление. Институт государственной тайны требует пристального внимания к решению «чувствительных» вопросов общественно-политического характера и оценки экономической составляющей при осуществлении защиты этой тайны. Вместе с тем научные основы определения и защиты государственных секретов (тайн) не разработаны.

Упомянутые выше Рекомендации по сближению законодательства государств — членов ОДКБ по вопросам государственной тайны, принятые ПА ОДКБ в 2010 г., акцентировали внимание на налаживании сотрудничества в вопросах изучения наработанного в независимых государствах опыта с целью совершенствования механизмов правового регулирования в этой сфере. ***Исполняющиеся в 2018 г. четверть века правовому регулированию института государственной тайны на постсоветском пространстве могли бы стать хорошим поводом для обращения к этой проблематике и подготовки соответствующей тематической конференции.***

Литература:

1. Ожегов С. М., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ Ltd., 1992. — 960 с.
2. Сериков В. Н. К вопросу о тайнах государственных и негосударственных // Право и безопасность. 2011. № 3–4. С. 122–126.
3. Юсупов Р. М., Вус М. А. О государственной тайне: история и современность // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 1. С. 77–81.
4. Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. № 52. 26.12.91. Ст. 1865.
5. Куликова С. А. Конституционно-правовые аспекты содержания понятия «тайна» // Ленинградский юридический журнал. 2012. С. 221–229.
6. Крюков С. В. Конституционные основы ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в целях защиты государственной тайны: автореферат дисс... канд. юрид. наук. 12.00.02. 2009. — 19 с.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.96 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.
8. Мартышин М. Ю. Государственная тайна как объект конституционно-правового регулирования: автореферат дисс... канд. юрид. наук. 12.00.02. 2009. — 26 с.
9. Макаров О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств: автореферат дисс... д-ра юрид. наук. 12.00.13. 2013. — 52 с.
10. Глоссарий основных понятий в законодательстве о государственной тайне государств — членов ОДКБ / авт. — сост. И. Л. Бачило, М. А. Вус, В. С. Гусев, О. С. Макаров. — СПб.: СПИИРАН. 2011. — 79 с.
11. Вус М. А., Юсупов Р. М. К вопросу о модельном законе Организации Договора о коллективной безопасности «О государственной тайне» // Право и информация: вопросы теории и практики / Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронное законодательство». Выпуск 6. — СПб.: Президентская библиотека. 2017. — 235 с.

12. Власов В. А. Совершенствование правового регулирования сведений, составляющих государственную тайну // Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом: Центр. исслед. проблем безопасности РАН; Науч. совет при Совете Безопасности РФ. — М.: Наука, 2006. С. 215–237.
13. PravoBY.info: http://2009.pravoby.info/docum09/part28/akt28706/index.htm
14. Информационный бюллетень МПА СНГ. 2003, № 31. С. 230–261.
15. Комментарий к Модельному закону «О государственных секретах» / М. А. Вус, О. С. Макаров / предисл. чл. — корр. РАН Р. М. Юсупова. СПб.: СПИИРАН. 2015. — 136 с.
16. ПА ОДКБ: http://www.paodkb.ru/news/2016/13-oktyabrya-2017
17. ИЗВЕСТИЯ Iz: https://iz.ru/659286/marina-iurshina/gostain-mozhet-stat-menshe
18. Вус М. А., Макаров О. С. О проекте модельного закона ОДКБ «О государственной тайне» // Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.) Часть I. — СПб.: Своё издательство. 2017. — 72 с.
19. Сафина С. Б. Конституционный закон в Российской Федерации: понятие и предмет регулирования // Власть. 2015. № 7. С. 196–201.
20. Верютин В. Н. Механизм административно-правового регулирования отношений в сфере государственной тайны: автореферат дисс... канд. юрид. наук: 12.00.14. 2011. — 24 с.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Некоторые особенности порядка ведения реестра контрактов для заказчиков в соответствии с нормами Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»

Акимова Ирина Витальевна, магистрант
Сибирский федеральный университет

Ключевые слова: *государственные закупки, контрактная система, государственный и муниципальный контракт, официальный сайт Единой информационной системы, правовая ответственность, реестр контрактов, размещение информации*

В Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — закон о контрактной системе) в пункте 3 части 1 статьи 1 дается определение понятия контракт. Это гражданско-правовой договор предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также бюджетного учреждения либо иного юридического лица в соответствии с частями 1, 4 и 5 статьи 15 закона о контрактной системе (далее — контракт).

Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть и освятить действующие нормы и требования к заказчикам, ведущим свои реестры контрактов. Разобрать правовые основы необходимости включения в реестр контрактов той или иной информации, ее практическое значение.

Метод проведения работы (научного исследования): в основе настоящего исследования заложен общенаучный диалектический метод познания, позволяющий выявить, воспроизвести и проверить различными способами применяемый к изучению подход. Данный метод сочетается с другими общенаучными и специальными методами познания. Такими как формально-логический, системно-структурный, научно-правовым, практический.

Результат: содействие практикующим в сфере государственного и муниципального заказа специалистам пониманию необходимости полноты и своевременности размещения контракта и информации о нем в реестре контрактов на официальном сайте Единой информационной системы. Избегание основных ошибок и правонарушений, выраженных в форме административно-правовой ответственности.

Область применения результата — это сфера применения Федерального закона № 44-ФЗ о контрактной системе, бюджетные правоотношения, административная ответственность.

Юридические лица, которые являются субъектами закона о контрактной системе, заключают гражданско-правовые договоры (контракты) в соответствии с требованиями этого Федерального закона. Плательщиками по таким соглашениям выступают получатели бюджетных средств. В законе прямо установлено условие, что, если такие контракты не будут внесены в реестр контрактов на сайте Единой информационной системы (далее — ЕИС) не подлежат оплате. Иными словами, обязательства заказчика не будут им исполнены. Соответственно, у исполнителя (поставщика, подрядчика) возникает основание обратиться в суд за защитой и восстановлением своих нарушенных прав. Решение суда в этой ситуации спрогнозировать не сложно.

Требования к содержанию информации при регистрации контракта на сайте Единой информационной системы, перечень такой информации, сроки для размещения прямо установлены в законе о контрактной системе, а также в подзаконных нормативных правовых актах.

Такие требования и условия необходимо детально и подробно рассмотреть, дать им правовую оценку. Обозначить юридическое значение и выявить специфические особенности.

В реестр контрактов включаются определенные статьей 103 закона о контрактной системе информация и документы.

Наименование заказчика — эта информация установлена функционалом ЕИС, интегрируется из реестра организаций и задана в личном кабинете, при работе с системой с помощью сертификата электронной подписи пользователя.

Источник финансирования — это значение необходимо выбирать и устанавливать вручную, т. к. он у каждого заказчика индивидуален, зависит от его отношения к уровню бюджетной системы Российской Федерации. Этот параметр изначально указывается в закупочной документации заказчика на этапе размещения извещения о закупке. Если его установить неверно или некорректно, орган Федерального казначейства, выступающий в качестве плательщика, имеет основание такой контракт не оплачивать.

Далее, в реестре контрактов указывается способ определения поставщика. Все способы закупки разделяются на две основные категории: конкурентные и неконкурентные (статья 24). Закон о контрактной системе содержит закрытый и исчерпывающий перечень конкурентных процедур. А также перечень закупок, осуществляемых у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика). Из числа неконкурентных не все подлежат внесению в реестр контрактов и могут быть оплачены, в то время, как контракты, заключенные путем конкурентных способов обязательны для внесения в реестр контрактов.

Дата подведения результатов определения поставщика (исполнителя, подрядчика), а также реквизиты документа, подтверждающего законность основания заключения контракта. Дело в том, что протокол подведения итогов процедуры закупки является юридически значимым документом. Запротоколированное решение комиссии дает законное основание для заключения контракта. Такой протокол также в обязательном порядке размещается в ЕИС. С даты заседания комиссии и принятого ею решения начинает течение срок для заключения сторонами контракта. Таким образом, это и можно назвать документом-основанием.

Дата заключения контракта — еще одно датированное событие для контракта, как и для любого другого гражданско-правового договора. К дате заключения контракта напрямую привязан срок для его размещения в реестре — не позднее трех рабочих дней. Как показывает анализ судебной практики, нарушение сроков размещения информации о контракте на сайте ЕИС дает судам основание для привлечения должностных лиц заказчика к административно-правовой ответственности (Решение по жалобе по делу об административном правонарушении от 23.06.2015 № 12–91/2015, г. Николаевск-на-Амуре. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.08.2015 по делу № А40–111812/2015).

Объект закупки, цена контракта, срок его исполнения, цена единицы товара, наименование страны происхождения или информация о производителе товара — это существенные условия соглашения. В этой вкладке заполняется спецификация к контракту. Срок исполнения может включать подэтапы, которые потом учитываются при размещении информации об исполнении контракта (отдельных его этапов). Эта информация является основной.

Наименование, место нахождения, реквизиты контрагента, его контактные данные, организационно-правовая форма и уполномоченное лицо. Таким образом, информация о поставщике (исполнителе, подрядчике) публикуется неограниченному кругу лиц для ознакомления.

Информация об изменении контракта с указанием условий, которые изменяются. В контракт могут быть внесены изменения, он может быть расторгнут (статья 95). Вся информация о реновации обязательства подлежит размещению в ЕИС в установленные сроки и прилагается контракту. Далее, он исполняется или прекращает свое действие на новых условиях. В случае неразмещения таких изменений в реестре контрактов, они считаются незаключенными и юридической силы не имеют.

Копия заключенного контракта, подписанная усиленной электронной подписью заказчика. С помощью технического функционала личного кабинета заказчика в ЕИС, закрепляется документ контракта. Любое заинтересованное лицо имеет возможность ознакомиться с его содержанием. Все государственные и муниципальные контракты, подлежащие опубликованию, с помощью настойки поискового фильтра возможно найти в открытой части ЕИС, в любое время, без взимания платы.

Информация об исполнении контракта, о его оплате, информация о неустойке (штрафы, пени), о надлежащем или ненадлежащем его исполнении, отчет об исполнении контракта или отдельных его этапов. Такую информацию заказчик размещает в определенные законом сроки. Значение этой информации нельзя недооценивать. Фактически, это история исполнения каждого отдельного обязательства. В подтверждение исполнения контракта заказчик размещает в ЕИС документы о приемке товаров, работ, услуг. В передаточных документах можно увидеть и установить порядок движения товара, его количественное перемещение, сроки поставки, факт приема товара, приемки работ, услуг. Любое заинтересованное лицо имеет возможность проследить, на самом ли деле условия контракта исполняются в соответствии с установленными. Такая возможность есть у контролирующего органа или у учредителей.

Если контракт исполняется с нарушением одной из сторон, то возникают законные основания заявить требование о выплате неустойки. А если по каким-либо причинам в нарушение условий исполнения контракта заказчик этого не делает, то появляется возможность говорить о недобросовестных действиях самого заказчика. Платить бюджетными средствами по нарушенным обязательствам недопустимо.

Функционал ЕИС и установленные требования к перечню размещаемой заказчиками информации дают хорошую возможность получить целостную картину истории закупки: от извещения и закупочной документации вместе с проектом контракта, до отчета об его исполнении, до последнего платежа. То есть, порядок освоения бюджетных средств. Меру добросовестности как поставщика (исполнителя, подрядчика) так и заказчика.

Идентификационный код закупки (ИКЗ) обеспечивает взаимосвязь закупочной документации (статья 23). Он

отличается своей уникальностью, содержит необходимый набор цифр, который в каждом отдельном его цифровом регистре шифрует требуемые данные закупки и заказчика. Это величина неизменная. ИКЗ способствует быстрому поиску требуемой закупки через систему сложного и многоуровневого фильтра на официальном сайте.

Далее, закон о контрактной системе отсылает заказчика к установленному порядку ведения реестра контрактов. К Постановлению Правительства Российской Федерации от 28.11.2013 № 1084 «О порядке ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, и реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну». Кроме того, заказчики применяют Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 24.11.2014 № 136н «О порядке формирования информации, а также обмена информацией и документами между заказчиком и Федеральным казначейством в целях ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками».

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство — технический функционал сайта ЕИС. Это сложный технический механизм, огромная информационная база данных, в которой одновременно работают тысячи и тысячи пользователей. У нее предусмотрена как открытая, так и закрытая часть. При размещении информации система не позволяет совершить пользователю неправильных действий или сделать следующий шаг без предыдущего, без закрепления документа. Система снабжена информационными подсказками и удобными вкладками, системой блокировок. Круглосуточно работает информационная поддержка операторов.

Подводя итоги исследования можно сделать выводы. В отношении заказчика. Требования к перечню и содержанию информации, подлежащей размещению на сайте ЕИС в реестре контрактов установлен, нормативно отрегулирован законом и подзаконными нормативными актами. Сроки для размещения каждой отдельной информации определены. Контрактные специалисты эти требования применяют. Техническая работа официального сайта ЕИС также законодательно отрегулирована. Она помогает контрактному управляющему, облегчает его работу, помогает отслеживать сроки для необходимых действий, фиксирует все события в журнале событий.

В отношении контролирующих органов, учредителей (участников) юридического лица, любых иных заинтересованных лиц помогает отслеживать действия заказчика по исполнению контрактных обязательств, фиксирует нарушения и недобросовестные действия, равно как и добросовестные, облегчает доказывание.

В отношении поставщика. В соответствии с частью 3 статьи 37 закона о контрактной системе, в случае снижения начальной (максимальной) цены контракта более чем на 25 процентов, победитель закупки имеет возможность сослаться и привести в подтверждение информацию из реестра контрактов. Это его законное право, подтверждает его добросовестность, исполнительность. В этом случае, заказчик обязан размещать требуемую информацию в ЕИС своевременно и не нарушать такого права другим участникам гражданского оборота. Коммерческая деятельность и деловая репутация других юридических лиц, добросовестных и исполнительных, признанных закупочной комиссией победителем процедуры закупки не должна страдать от недобросовестных действий отдельных заказчиков.

И наоборот, добросовестные заказчики имеют достаточные правовые основания требовать надлежащего исполнения обязательств по контракту, требовать своевременного предоставления первичной и передаточной документации.

Такие, взаимно регулирующие функции заложены в законе о контрактной системе. Они содержат механизмы обоюдного сдерживания и регулирования, взаимной ответственности за действия друг друга. Дают законные основания быть требовательными друг к другу. Своевременно контролировать документооборот.

По большому счету, контрактная система обеспечивает стабильность правовых и экономических отношений в бюджетной системе национальной экономики Российской Федерации. Обеспечивает информационную открытость, прозрачность, защищает основы конкуренции, профессионализма в государственных закупках. Стимулирует эффективность, ответственность и результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Литература:

1. Белов, В.Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование / В.Е. Белов. — М.: Норма; Инфра-М, 2011.
2. Блинов В.Г. Правовое регулирование частных и публичных отношений при поставке товаров для государственных нужд: дис. канд. юрид. наук / Блинов В.Г. — Казань, 2009.
3. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — М.: Статут, 1997.
4. Волынкина М.В. Правовая природа государственного контракта на поставку товаров для государственных нужд: сб. научных трудов ИГУМО / М.В. Волынкина. — М.: Логос, 2005. — С. 9–18.
5. Демин А.В. Государственные контракты (публично-правовой аспект) / А.В. Демин // Хозяйство и право. — 1997. — № 8.

6. Заботина Н. Н. Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд: автореф. дис. канд. юрид. наук / Заботина Н. Н. — Волгоград, 2006.
7. Левченко, М. Дискуссионные вопросы правовой природы государственного контракта / М. Левченко // Хозяйство и право. — 2009. — № 12.
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.08.2015 по делу № А40−111812/2015 (Арбитражный суд города Москвы http://sudact.ru/arbitral/doc/w6V54cIf8N6H/).
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.08.2015 по делу № А40−111812/2015 (Арбитражный суд города Москвы http://sudact.ru/arbitral/doc/w6V54cIf8N6H/).
10. Соглашение о государственных (муниципальных) закупках (Заключено в г. Москве 09.12.2010) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 5. — Ст. 540.
11. Тарабаев П. С. Гражданско-правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд: дис. канд. юрид. наук / Тарабаев П. С. — Екатеринбург, 2008.
12. Шевченко Л. И. Проблемы формирования договорных отношений поставки в условиях становления в РФ рыночной экономики: дис. докт. юрид. наук / Шевченко Л. И. — Кемерово, 2001.
13. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
14. Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1084 «О порядке ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, и реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну». «Собрание законодательства РФ», 09.12.2013, N 49 (часть VII), ст. 6427.
15. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 24.11.2014 № 136н «О порядке формирования информации, а также обмена информацией и документами между заказчиком и Федеральным казначейством в целях ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками». Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 27.02.2015.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Особенности оценочной деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе

Костылев Анатолий Кронидович, кандидат юридических наук, доцент;
Клочко Антон Андреевич, магистрант
Тюменский государственный университет

В статье рассмотрена специфика оценочной деятельности в региональном разрезе: показаны основные субъекты оценочной деятельности, раскрыты основные проблемы, как правового регулирования, так и практической деятельности. Исследованы эмпирические данные оценочной деятельности по ЯНАО.

Ключевые слова: *оценочная деятельность, оценщик, оценочная деятельность в Ямало-ненецком автономном округе*

The article considers the specificity of the evaluation activity in the regional context: the main subjects of the appraisal activity are shown, the main problems of both legal regulation and practical activity are revealed. Empirical data of appraisal activity for Yamal-Nenets Autonomous District have been studied.

Keywords*: Appraisal activity, appraiser, appraisal activity in the Yamalo-Nenets Autonomous District*

Оценка недвижимости — это деятельность специально уполномоченных лиц оценочной деятельности, целью которой является установление рыночной или иной стоимости того или иного объекта недвижимости.

Принципы оценочной деятельности в научной литературе имеют разную классификацию. Например, выделяются принципы: полезности, замещения, ожидания. По другой классификации выделяются принципы связанные с эксплуатацией земли, с функционированием объектов недвижимости. Также выделяются принципы: альтернативности; соответствия; регрессии и прогрессии; конкуренции; зависимости; предвидения; изменчивости.

ЯНАО является одним из самых маленьких и территориально, и численно регионом, входящим в Северо-западного федерального округа. В ЯНАО имеется только один муниципальный район. «Территория ЯНАО расположена в арктической зоне на севере крупнейшей в мире Западно-Сибирской равнины и занимает обширную площадь более 750 тысяч квадратных километров» [3].

Система управления оценочной деятельностью в Ямало-Ненецком автономном округе (далее ЯНАО) строится на взаимодействии оценщиков, населения и конкретных институциональных субъектов, представленных как органами власти, так и иными организациями. Оценщики являются самостоятельно действующими субъектами.

К числу органов регулирования оценочной деятельности стоит отнести: федеральные органы власти, органы власти регионального уровня — ЯНАО, комиссии Управления Росреестра по рассмотрению обращений в области оценочной деятельности, Национальный совет по оценочной деятельности и саморегулируемые организации. Каждый субъект выполняет регулятивные и контролирующие функции в рамках своих полномочий. Анализ динамики обращений, связанных с оценочной деятельностью в ЯНАО показывает динамику роста в последние годы, при этом большая часть заявлений связана с земельными участками.

Профессиональная деятельность в сфере оценочной деятельности предполагает создание единой системы, обеспечивающей реализацию следующих принципов:

- открытость (публичность) предоставления услуг;
- минимизация сроков предоставления услуг с учетом возможностей системы;
- доступность (ценовая, территориальная и т. п.) услуг для всех категорий пользователей, включая малообеспеченные слои населения;
- снижение издержек участников оборота недвижимости и государства на оказание услуг;
- комфортность обслуживания потребителей услуг;
- полнота и достоверность информационных ресурсов;
- недискриминационный доступ пользователей к информационным ресурсам единой системы регистрации прав и кадастрового учета.

Анализ реестра членов Российского общества оценщиков по ЯНАО показывает, что с 2008 г. числится 59 оценщиков, однако, как показывает анализ ситуации на 2017 г., почти с половиной оценщиков не ведется деятельность в рамках членства. 45 % оценщиков от общей численности по данным на 2017 г. прекратили свое членство в РОО, что является негативным фактором так как это почти половина оценщиков. Количество работающих оценщиков, имеющих членство в РОО, таким образом составляет 32 человека или 55 % от общей численности.

Следует отметить, что на сегодняшний день, несмотря на то, что деятельность оценщиков некоторым образом,

в юридическом смысле обособлена, в целом оценочная деятельность находиться в тесной взаимосвязи с Управлением Росреестра ЯНАО как уже упоминалось выше. В рамках регулирования деятельности Управление Росреестра ЯНАО ведет статистический учет оценки недвижимости, также в рамках регулирования работает комиссия по урегулированию споров.

Анализ работы комиссий в 2014–2016 г. при территориальных органах Росреестра комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости по ЯНАО (далее — Комиссии) показывает следующую динамику.

Анализ работы комиссий в 2014–2016 г. при территориальных органах Росреестра комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости по ЯНАО (далее — Комиссии) показывает следующую динамику (рис 1.)

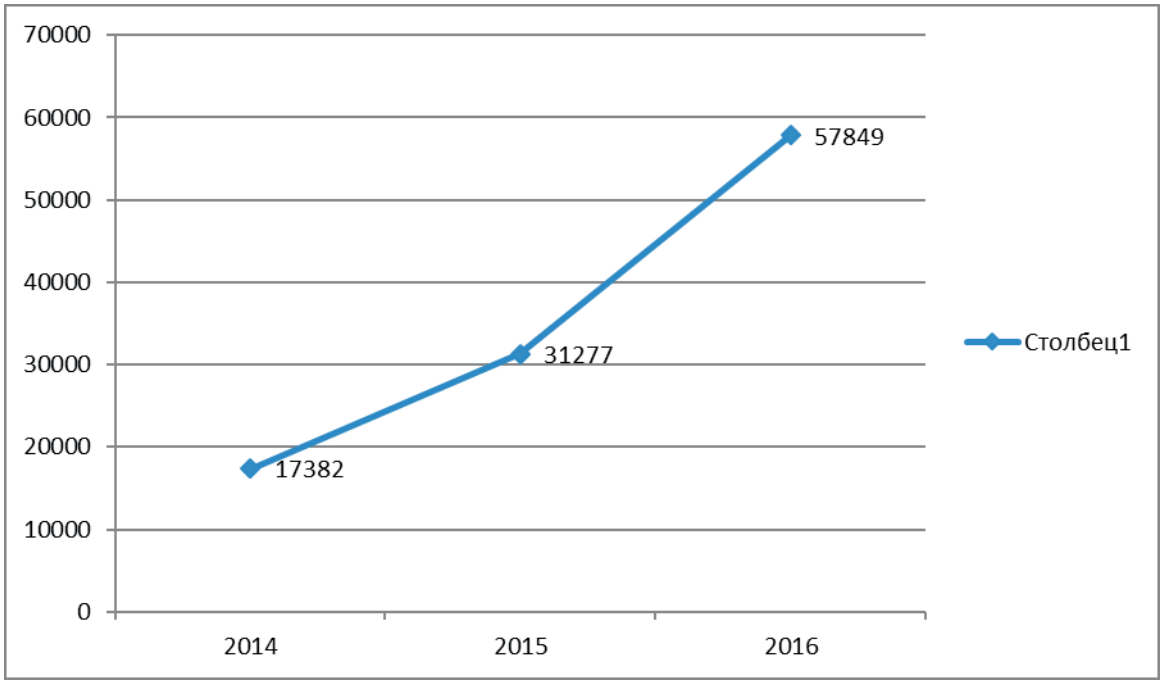

Рис. 1. Динамика рассмотренных обращений Комиссией за 2014–2016 гг. [4]

Если в 2014 г. поступило 17 382 обращений граждан, то в 2015 г. — 31277, в 2016 г. — 57 849 обращений.

В 2016 г. юридическими лицами ЯНАО подано 35 837 заявлений, физическими лицами — 20 464 заявления, органами государственной власти — 653 заявления, органами местного самоуправления — 845 заявлений, 50 заявлений подано в Комиссии совместно юридическим и физическим лицами.

Одним из институциональных образований в системе регулирования оценочной деятельности стоит отметить деятельность Национального Совета по оценочной деятельности [7] (далее — НСОД). НСОД является негосударственным институтом и создается саморегулируемыми организациями оценщиков в целях обеспечения общественных интересов, формирования единых подходов к осуществлению оценочной деятельности, выработки единой позиции оценщиков по вопросам регулирования их деятельности, координации деятельности саморегулируемых организаций оценщиков, а также в целях взаимодействия саморегулируемых организаций оценщиков с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти ЯНАО, органами местного самоуправления ЯНАО и потребителями услуг в области оценочной деятельности.

К числу основных проблем оценочной деятельности стоит отнести:

— неучтенность объектов недвижимости;
— недостаточное регулирование ценового фактора и взаимовлияния на налоговую политику в рамках конкретного региона;
— слабость квалификации оценщиков, а также большой процент прекращения членства в обществе оценщиков, что касается непосредственно ЯНАО;
— не урегулирован вопрос об инвестиционно-емкости объектов недвижимости.

Повышение информационной эффективности в рамках Управления Росреестра по ЯНАО основывается на создании и организации устойчивого функционирования автоматизированных информационных систем с актуальными данными.

Базис представленной модели составляют основные виды информации, взаимодействующие в системе аналитики кадастровой оценки земель ЯНАО.

Управление оценочной деятельностью в ЯНАО невозможно без наличия необходимой и достоверной информации, и несмотря на то, что ФИР и Геопортал уже действуют, остается еще немало проблем.

Так, например, развитие землеустройства в современных сложных условиях использования земельных ресурсов превратилось в проблему повышения его роли путём закрепления за ним или придания ему функций государственного мероприятия. На данный момент простейшие землеустроительные действия осуществляются частными и юридическими лицами. К выполнению сложных работ на крупных массивах, в границах крупных государственных предприятий они не готовы. Но существует и другой парадокс, результаты работ частных лиц принимаются в государственный банк данных, в частности, в кадастр недвижимости.

Конечно, частные организации могут работать на землях государственной и муниципальной собственности ЯНАО, но это допустимо под определенным контролем. Но на сегодня этого нет. Отсюда в рамках ИПД могут возникнуть, например проблемы достоверности данных, предоставляемых субъектами хозяйствования ЯНАО.

Важное значение имеет совершенствование профессиональной компетентности оценщиков в ЯНАО.

Под показателем результативности в самом широком смысле понимают описательный или количественный индикатор, характеризующий результат деятельности или успешность движения к достижению поставленной цели.

Под результатами должна пониматься степень достижения поставленных целей и количественное соотношение результатов и затрат, а также эффект «обратной связи», т. е. отношение и оценка населением деятельности оценщиков.

Это предполагает, в свою очередь, стоимостную оценку всех происходящих процессов и выполняемых функций и трансформацию в сторону процессно-стоимостного управления, что раньше было типично только для коммерческого сектора.

Таким образом, результативность следует понимать как меру эффективности, которая характеризуется достижением результата либо цели деятельности или степенью приближения к ней. Результативность деятельности определяется значениями показателей, отражающих достигнутый конечный результат труда.

Важно отметить, что в период с 2013 по 2015 годы очень активно в отрасли осуществлялась реализация мероприятий «дорожной карты», которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 26.09.2013 № 1744-р в целях совершенствования государственного регулирования оценочной деятельности и повышения эффективности саморегулирования в области оценки.

В процессе развития рыночных отношений в России всё большее и в том числе государственное значение приобретает квалифицированная оценка стоимости объектов разных форм собственности. Эксперты считают, что профессия оценщика входит в десятку наиболее престижных, перспективных и высокооплачиваемых специальностей, а оценочная отрасль наиболее динамично развивающейся. Тем не менее, профессия оценщика не является новой для России и имеет свою глубокую историю [6, с. 626].

Тем не менее, эта профессия сегодня переживает очередной этап роста, связанный с изменениями законодательных требований к уровню квалификации специалистов отрасли. С 01.01.2017 законодательно изменяется, а с 01.07.2017 фактически ограничивается вход в профессию.

Таким образом, в отраслевой среде наиболее важным является решение вопроса о компетенции и квалификации специалистов оценочной деятельности. Вопросы организации и проведения квалификационного экзамена сейчас в стадии активного обсуждения. При этом, теоретически для устранения законодательных противоречий существует возможность использовать уже действующие в профессиональной среде сообщества:

— Национальный совет по развитию профессиональных квалификаций при Президенте РФ;

— Совет по развитию профессиональных квалификаций финансового рынка;

— Комиссия по развитию профессиональных квалификаций в оценочной деятельности при Совете по развитию профессиональных квалификаций финансового рынка.

Большая часть сегодняшних проблем компетенции и квалификации специалистов оценочной отрасли глубоко уходит корнями в вопрос формирования фундаментальной достоверной базы данных, доступной и надежной для специалистов каждого из трех намеченных выше линий (специализаций) отрасли.

Практика исследования отрицательных экспертных заключений на отчеты оценщиков и негативных рецензий на заключения экспертов в рамках судебной оценочной деятельности, подтверждает, что большей частью именно в сфере отсутствия достоверной первичной информации, положенной в основу труда оценщика кроется цепь последующих заблуждений, не верных и не обоснованных выводов.

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что основными целями совершенствования являются:

1) обеспечение эффективного управления информационными ресурсами на основе достоверности и полноты сведений в оценочной деятельности;
2) урегулирования вопроса неучтенных земель.
3) создание условий для вовлечения в единое информационное пространство и обеспечение прозрачности по поводу цен в целом создание единой базы.
4) новые параметры оценки объектов недвижимости на основе локальности территории, ивнестиционной емкости земель.
5) наиболее важным вопросом является повышение профессиональной компетентности оценщиков, их квалификации.

В исследовании подробно разработаны параметры профессионального уровня оценщика, кроме того, необходимо решить вопрос с повышением квалификации.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 05.07.2016) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ 1998. № 31, ст. 3813
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // СЗ РФ 2016. № 27 (Часть I), ст. 4170.
3. География ЯНАО // [Электронный ресурс]: http://pravitelstvo.yanao.ru/region/geography/
4. Информация о деятельности комиссий по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости за 2014 год// [Электронный ресурс]: https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-/1informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-2014/
5. Информация о деятельности комиссий по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости за 2015 год// [Электронный ресурс]: https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-/2informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastr2015/
6. Информация о деятельности комиссий по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости за 2016 год// [Электронный ресурс]: https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-/informatsiya-o-deyatelnosti-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-2016/
7. Национальный Совет по оценочной деятельности // [Электронный ресурс]: http://www.ncva.ru/about.php
8. Цекоева Ф. К., Окомелко Н. В. Аспекты правового регулирования и кадровое обеспечение оценочной деятельности в сфере землеустройства и кадастров // В сборнике: Фундаментальные и прикладные исследования: опыт, проблемы и перспективы сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука». 2017. С. 621–630.

Ответственность управляющей организации при исполнении полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества

Осипенко Алина Олеговна, магистрант
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Институт управляющей компании как обладателя полномочий единоличного исполнительного органа (далее — ЕИО) возник в отечественном законодательстве в середине — второй половине 90-х годов прошлого века. Однако его применение до настоящего времени ставит перед теорией и практикой гражданского права различные дискуссионные вопрос, поиски ответов на которые усложняются тем обстоятельством, что в доктринальном плане системное разрешение обозначенных проблем фокусирует внимание исследователя на необходимости мобилизации нескольких подотраслей цивилистики, в том числе корпоративного и обязательственного права, а также антимонопольного законодательства [3, с. 31]. *Существо, пределы и формы ответственности управляющей организации (управляющего) при исполнении полномочий ЕИО хозяйственного общества* — один из таких проблемных вопросов.

Согласно п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в силу закона либо учредительных документов организации, лицо, которое выступает от ее имени, должно действовать добросовестно и разумно при представлении ее интересов. В соответствии с п. 1 ст. 53.1. ГК РФ, лицо, представляющее интересы организации, обязано по требованию самого юридического лица, либо его учредителей *возместить убытки, причиненные юридическому лицу (далее — ЮЛ) по его вине*. Аналогичные положения содержат ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) и ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО).

В силу того, что управляющая организация, равно как и управляющий — ИП, осуществляет свою деятельность (управление) с целью извлечения прибыли, то к её деятельности можно применить норму п. 3 ст. 401 ГК

РФ, указывающей на то, что лицо, которое не исполнило или ненадлежащем образом исполнило свое обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, и если оно не докажет, что такое ненадлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, чрезвычайных либо непредвиденных обстоятельствах, *несет ответственность*. К данным обстоятельствам, в частности, не относятся отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, нарушение со стороны контрагентов обязанностей должника либо отсутствие у должника необходимых денежных средств.

В указанной связи полагаем, что исходным проблемным аспектом изучения на системной основе вопроса о существе и пределах ответственности управляющей организации как органа операционного управления компании является ответ на следующий вопрос. Применение какого федерального закона имеет приоритет, в частности, ГК РФ, как закон общий, либо Закон об АО (или Закон об ООО), как закон специальный?

С 2014 года, с принятием Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ, ст. 103 ГК РФ, включавшая общие нормы регулирования управления в акционерном обществе, утратила свою силу. Кроме того, согласно канонам теории права, при наличии противоречий между нормами общего права, в нашем случае, Гражданского кодекса РФ и специального, иных федеральных законов, (Закона об АО, в нашем случае), следует прибегнуть к традиционно установленным правилам теории, что приоритет над общим правом имеет право (закон) специальный, а именно ст. 71 Закона об АО [1, с. 56].

Данная позиция подтверждается и судебной практикой. Так, в одном из постановлений Пленум ВАС РФ указал на то, что: «корпоративное законодательство, в рамках ст. 71 Закона об АО, определяет для управляющей организации, так называемый «льготный режим» ответственности по сравнению с общими нормами гражданского права» [2, с. 4].

Приведем еще один вывод из судебной практики, касающийся «лояльности» специального законодательства в отношении ответственности управляющей организации. Законом не предусмотрено право общего собрания акционеров на принятие решений по вопросу об ответственности управляющей организации. Защита прав акционеров осуществляется на основании нами уже известной ст. 71 Закона об АО, которая включает в себя ответственность членов совета директоров, ЕИО общества, коллегиального исполнительного органа правления общества и, наконец, управляющей организации.

Смысл изложенного выше состоит в том, что согласно п.3 ст. 48 Закона об АО общее собрание акционеров не имеет права рассматривать вопросы, не отнесенные к его компетенции, и, соответственно, принимать по ним решения. Даже при принятии какого-либо вопроса из числа не отнесенных к компетенции общего собрания акционеров, в любом случае, юридической силы иметь не будут. В судебной практике часто порой дела о предложении соответствующего истца внести в повестку дня общего собрания акционеров вопрос об утверждении положения об ответственности управляющего (управляющей организации). Данный вопрос не входит в компетенцию общего собрания, и суды обоснованно оставляют без удовлетворения иски о признании недействительным решения совета директоров общества об отказе во включении в повестку дня годового общего собрания акционеров данного вопроса [3, с. 2].

При этом суд в одном из судебных актов по таким делам заметил, что в ст. 71 Закона об АО для защиты законных интересов общества предусмотрена ответственность управляющей организации перед обществом за убытки, причиненные последней ее виновными действиями либо бездействием. Иск о возмещении убытков может быть предъявлен как самим акционерным обществом, так и его акционерами, владеющими не менее чем одним процентом от размещенных обыкновенных акций.

Рассмотрим конкретный пример из судебной правоприменительной практики. В соответствии с постановлением АС Центрального округа от 24.01.2016 № А68–200/ГП-16–05 «... истец К. обратился в Арбитражный суд Тульской области с иском к ОАО «Плавский машиностроительный завод» о признании решения совета директоров общества от 03.02.2015 г. об отказе во включении в повестку дня годового общего собрания акционеров вопроса об ответственности управляющего перед обществом, *недействительным»*... Как выяснил суд, вышеуказанное предложение истца было рассмотрено на заседании совета директоров, но единогласно было принято решение об отказе во включении в повестку дня требуемого истцом вопроса, так как он не относится к компетенции общего собрания акционеров ОАО «Плавский машиностроительный завод».

Таким образом, общее правило п. 3 ст. 48 Закона об АО закрепляет прямой запрет на рассмотрение такого рода вопросов и принятие по ним решений, а с учетом всех выше рассмотренных обстоятельств, нарушения норм материального или процессуального права, допущенных судами обеих инстанций при вынесении решений, на основании чего, впоследствии, пытался обжаловать судебные решения истец К. в вышестоящие инстанции, здесь усмотреть никак не получится. Кассационной коллегией они установлены и не были.

Несколько лет в Государственной Думе РФ находится на рассмотрении проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ», который, к слову, да настоящего времени так и не принят.

В п. 1 указанного проекта закона управляющая организация хозяйственного общества обозначена как единоличный исполнительный орган наравне с генеральным директором, директором и иными, входящими в состав

органов управления общества, лицами. *Важно*, что в вопросе ответственности управляющей организации никаких особенностей или новшеств пока не предусмотрено. Стало быть, все выработанные и принятые на сегодняшний день законодательством, судебной системой и научной доктриной правовые положения, регулирующие ответственность членов управления хозяйственного общества относятся также и к управляющему (управляющей организации).

Так, арбитражные суды, при вынесении постановлений опираются на ч.3 ст. 53 ГК РФ, ст. 71 Закона об АО и ст. 44 Закона об ООО. В частности, в постановлении Десятого Арбитражного апелляционного суда от 19.04.2013 г. № 09АП-9488/13 указано, что при рассмотрении иска к управляющей организации, главным образом, подлежат оценке действия либо бездействие ответчика с точки зрения добросовестности и разумности осуществления им своих прав и исполнения обязанностей, что в одинаковой степени могло бы относится и к генеральному директору, если бы он был ответчиком. Тем не менее, присутствуют некоторые особенности. Согласно действующему законодательству, акционеры управляемого общества не могут напрямую обратиться с иском в суд к руководству управляющей организации, а лишь при прохождении следующих стадий:

1. Привлечение к ответственности управляющего по иску хозяйственного (управляемого) общества либо его акционеров в соответствии со ст. 71 Закона об АО.

2. Привлечение к ответственности руководителя управляющей организации как лица, непосредственно осуществляющего управление обществом, за взысканные убытки по иску об ответственности управляющей организации.

Изложенная позиция вытекает и из судебной практики. *Приведем пример.* В постановлении от 23.06.2014 г. № 08АП-4579/14 Девятого Арбитражного апелляционного суда было указано следующее: «..Согласно буквальному содержанию смысла положений п.5 ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» следует, что акционеры вправе лично обращаться в суд с иском о возмещении убытков, которые были причинены обществу управляющей организацией непосредственно к ней, а не к руководителю последней, являющимся ответчиком по настоящему делу». Хотя, с другой стороны, закономерно возникает вопрос, на кого же при таких обстоятельствах все-таки будет возложена ответственность в конечном счете?

В юридической литературе высказывается еще одна возможность привлечения к ответственности управляющей организации. Например, Тихомиров Ю. А. и Харитонова Ю. С., считают, что правовые отношения между управляющей организацией и хозяйственным обществом можно квалифицировать как отношения как между основным обществом и дочерним, то есть, к управляющей организации, как к основному обществу применяются нормы ст. 322 и ст. 399 ГК РФ о солидарной и субсидиарной ответственности [4, с. 637]; [6, с. 109].

Представляется возможным согласиться с мнением Шиткиной И. С. Она считает, что договор о передаче полномочий, по которому одно общество исполняет функции органа управления другого, не относится к ряду договоров, создающих отношения экономической субординации, и, выступающие признаком холдинговых отношений [5, с. 40].

Пример из судебной практики. В постановлении ФАС Западно — Сибирского округа от 18.01.2012 г. № Ф04–8227/09 по делу № А67–2366/2009 суд пришел к обоснованному выводу, что «... непредставление заявителем необходимых доказательств, которые свидетельствовали бы о том, что несостоятельность (банкротство) должника наступила по вине контролирующих лиц, в частности, в результате дачи данными лицами прямых или косвенных указаний, направленных на доведение компании до банкротства ...».

Рассмотрим еще один, злободневный вопрос, *можно ли управляющую организация привлечь к иной ответственности, помимо имущественной (гражданской)?* Если рассматривать вариант уголовной ответственности, то здесь есть один нюанс, заключающийся в том, что по ст. 19 УК РФ, уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста, следовательно, в этом случае, к данной ответственности управляющую организацию, как лицо юридическое, за преступления в сфере экономической деятельности привлечь не представляется возможным. Однако, к уголовной ответственности можно привлечь как лиц физических соответствующих сотрудников управляющей организации.

Кроме того, нельзя привлечь управляющую организацию и к дисциплинарной ответственности, так как в соответствии со ст. 192 ТК РФ, дисциплинарный проступок — это неисполнение либо ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных н него обязанностей, а работник (ст. 20 ТК РФ), лицо физическое.

КоАП РФ предусмотрена возможность привлечения управляющей организации к административной ответственности. Согласно ст. 2.1. КоАП РФ, административным правонарушением, является виновное, противоправное действие (бездействие) физического или **юридического лица.**

В судебной практике, особенно в последнее время, нередки случаи привлечения управляющей организации к административной ответственности по таким статьям КоАП РФ, как, например, по ст. 8.1. КоАП РФ, (*постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 23.08.13 г. № 10 АП-5870/11);* ст. 8.4. КоАП РФ, (*постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 19.09.15 г. № 10 АП-7393/14);* ст. 19.5., ст. 19.8. КоАП РФ и некоторым другим.

Однако, и здесь есть своя особенность, так как дисквалификация, например, к управляющей организации применена быть не может. Исходя из ст. 3.11. КоАП РФ дисквалификация заключается в лишении *физического* лица специального права замещать определенные должности.

Таким образом, рассмотрев вопрос о пределах ответственности управляющей организации, приходим к следующим выводам. Правовая природа, основания и условия гражданско-правовой ответственности управляющей организации не имеют существенных отличий от гражданско-правовой ответственности других членов органа управления общества. Управляющая организация не может быть привлечена ни к уголовной, ни к дисциплинарной ответственности, к административной — лишь с рядом исключений по наказанию.

Литература:

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2014. 512 с.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «Консультант Плюс».
3. Путеводитель по корпоративным спорам. Вопросы судебной практики: Совет директоров (наблюдательный совет) и исполнительные органы акционерного общества// «Консультант Плюс». 2017.
4. Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // «Вестник гражданского права». 2009. № 3. С. 28—35.
5. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. М: Издание г- на Тихомирова М. Ю. 2012. 1150 с.
6. Шиткина И. С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 37—44.
7. Харитонова Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 304 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Об институте мировых судей в России

Дюдиков Руслан Ренатович, магистрант
Астраханский государственный университет

В данной статье рассмотрены основные положения в деятельности института мировых судей. Рассмотрен ряд актуальных проблемных вопросов, посвященных институту мировой юстиции. Проанализированы характерные особенности правового статуса института мировой юстиции. Даются рекомендации по увеличению роли законодательных инициатив субъектов Федерации в деятельности мировой юстиции с перспективой дальнейшего совершенствования на законодательном уровне. В связи с чем, необходимо признать важнейшую роль института мировых судей в формировании современной судебной системы в России.

Ключевые слова: *мировые судьи, институт мировых судей, статус мирового судьи*

About the Institute of justices of the peace in Russia

Dudikov Ruslan Renatovich, undergraduate student
Astrakhan State University

This article examines the main provisions in the activity of Institute of world judges. Considered a number of topical problem questions on the Institute of global justice. The author analyzed the typical features of the legal status of the Institute of global justice. Recommendations for increasing the role of legislative initiatives of constituent entities of the Russian Federation in the activities of the justice of the peace with the prospect of further improvement at the legislative level. In this connection, you need to recognize the critical role of Institute of world judges in the formation of modern judicial system in Russia.

Keywords: *justices of the peace, Institute of world judges, the status of the magistrate*

Исторически зарождение в России института мировой юстиции происходит в 1864 году, и, как известно, существовавшая на тот момент судебная система была несовершенной, не доработанной и не отвечала тем требованиям и нормам, которые возлагались на мировой суд при его создании [5, с 219]. Причинами тому были и их зависимость от исполнительной власти, и сословное разделение населения с предвзятостью привилегированного класса, и к тому же отсутствовала нормально функционирующая система обжалования решений мировых судей в вышестоящих органах судебной власти.

Спустя довольно значительное время в конце 80-х в начале 90-х гг. XX столетия при смене коммунистической системы общества на капиталистическую, появляется острая необходимость в возрождении мировой юстиции, в связи с увеличившейся нагрузкой в части малозначительных гражданских дел по защите частной собственности, связанных с экономическим развитием страны. И в сравнении с XIX в. введение мировой юстиции в современной России происходит уже на более высоком уровне своего развития.

Правовая основа института мировых судей в первую очередь заключена в Конституции Российской Федерации [1], в Федеральных конституционных законах от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2] и от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [3], и в Федеральных законах от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях Российской Федерации», Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132−1 «О статусе судей в Российской федерации» [6, с. 116], а также законов субъектов РФ (к примеру, Закон Астраханской области от 27.10.2000г № 49/2000-ОЗ «О мировых судьях в Астраханской области».

По правовому статусу мировые судьи входят в систему судов общей юрисдикции и являются судами соответствующего субъекта РФ, в котором он учрежден.

Согласно действующему законодательству РФ в полномочия мировых судей входит рассмотрение незначительных уголовных и гражданских дел, а также большей части административных дел с целью уменьшить значительную нагрузку районных (городских) судов субъектов

РФ. Мировая юстиция представляет суд первой инстанции [8, с. 53]. Их деятельность разграничена пределами судебных участков, созданных субъектами Федерации согласно установленных территориальных и демографических признаков каждого региона страны.

Мировые судьи обладают тем же правовым статусом, что и федеральные судьи, поэтому закон гарантирует мировым судьям и их семьям независимость и неприкосновенность, устанавливает нормы материального обеспечение и социальной защиты, оплату которых производят за счет средств из федерального бюджета.

Значительная роль в осуществлении функционирования деятельности мировой юстиции принадлежит субъектам Федерации. Правда после принятия закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ влияние роли субъекта Федерации в деятельности мировых судей значительно сократилась. Однако субъектам отведен круг обязанностей по формированию состава мировых судей, их количество, учреждению и упразднению судебных участков.

Впрочем, я считаю, что более разумным можно было бы законодателям уделить большую роль субъектам РФ в ведении вопросов в части деятельности мировых судей, т. к. только на местном уровне можно учесть те нормы, обычаи и традиции характерные именно того или иного региона РФ.

Рассмотрим порядок назначения на должность мирового судьи. Согласно действующему закону возможно два варианта: избрание путем народного голосования населением соответствующего судебного участка, либо назначением законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Федерации. К сожалению, все субъекты РФ предпочли последний вариант с назначением на должность мирового судьи, тем самым отдалив от населения мировое правосудие, которое изначально предполагалось максимально приблизить к населению.

Огромная территория страны с характерными демографическими особенностями свидетельствует о том, что показатель плотности населения будет носить неравномерный характер. В связи с тем, что закон устанавливает нормы по созданию судебных участков из расчета численности населения от 15 до 23 тысяч человек, и в административных образованиях численностью менее 15 тыс. человек создается один судебный участок [7, с. 1758], то возникает проблема в крайне большой отдаленности судебных участков в административных образованиях с низкой плотностью населения. В связи с чем, необходим комплексный подход с учетом демографических и территориальных критериев отдельного региона. И на региональном уровне разработать собственные нормативы, согласно которым можно обосновано определить количество судебных участков.

Нерешенным также остается проблема в части финансового обеспечения мировых судей. Это связано с тем, что большинство регионов не готовы принять на себя расходы по материально-техническому обеспечению деятельности мировых судей, а выделение незначительных средств из собственного бюджета не покрывают в полном объеме расходы на организацию их деятельности. Согласно закону № 188-ФЗ зарплата и социальные выплаты мировым судьям осуществляется за счет средств из Федерального бюджета, а материально-техническое обеспечение возложено на органы исполнительной власти субъектов РФ. И в связи с отсутствием четкой структурной организованности в части финансирования деятельности мировых судей, где каждую часть расходов относят к различным ветвям государственной власти, без формирования единого подхода так и будет данный вопрос оставаться нерешенным.

Также существует актуальная на сегодняшний день проблема перегруженности мировых судей. По данному вопросу следует согласиться с автором Ватаниным С. Н., в своей работе он делает вывод о том, что для снижения нагрузки в деятельности мировых судей необходимо исключить локальную самостоятельную работу судебных участков, и создать мировой суд, как единый государственный судебный орган, аналогично действующей системе районных (городских) судов, и осуществлять равномерное распределение поступающих дел между мировыми судьями [4, с.35].

Анализируя национальное законодательство с практикой его применения, важно понимать и осуществлять дальнейшую работу на законодательном уровне по совершенствованию и развитию института мировых судей, учитывая требования законодательных инициатив субъектов РФ, а также опыт зарубежных стран.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) / Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 4. — Ст. 445.
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997 г. — № 1. — Ст. 1.
3. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 898.
4. Ватанин С. Н. Компетенция мировых судей: проблемы и пути их решения / Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008 г. — Ст. 35.
5. Волосатых Е. А. Виды мировых судей в России: история и современность / Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015 г.

6. Гарифулина А. Р. О правовом институте мировых судей / Вестник экономики, права и социологии. — 2013 г. — Ст. № 4.
7. Дворецкова Д. А. Становление института мировых судей в России. / Актуальные проблемы российского права. — 2014 г. — № 8 (45) август.
8. Сангаджиев Б. В. Институт мировых судей: правовая природа и особенности деятельности / Пробелы в Российском законодательстве. Юридический журнал. — 2012 г.

Урегулирование отдельного вида договора розничной купли-продажи с участием коммивояжера

Ильина Влада Игоревна, студент
Научный руководитель: Воробьева Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматривается такое понятие, как «коммивояжер», а также анализируются необходимость урегулирования данного понятия в рамках гражданского законодательства.

Ключевые слова: *коммивояжер, товар, кабальные сделки, розничная купля-продажа, договор, покупатель, тяжелые обстоятельства, психологическое давление, использование товара, информация о товаре*

На сегодняшний день розничная купля-продажа является неотъемлемой частью нашей жизни, так как каждую секунду происходят миллионы покупок повсеместно. Но время не стоит на месте, и появляются все новые правоотношения, относящиеся к купле-продажи, которые еще не урегулированы законодательством Российской Федерации. Например, уже наболевший вопрос, связанный с так называемым «коммивояжеризмом».

Само понятие «коммивояжер» пришло к нам из Франции (*commis voyageur* — путешествующий в коммерческих целях) — это сбытовой посредник, разъездной представитель торговой фирмы, который по поручению фирмы ищет покупателей ее товаров, предлагая им образцы, рекламируя товар, распространяя каталоги товаров. [1]

Речь идет о представителях фирмы, которые приходят на дом к потенциальным покупателям, рекламируют свой товар (кухонные приспособления, технические приборы, косметику и т. д.), и при условии согласия покупателя, заключают договор.

На первый взгляд все смотрится вполне приемлемо, но, к сожалению, не все покупатели остаются довольными данной покупкой. И на то есть целый ряд причин.

Рассмотрим психологическую сторону продажи товара. Главная задача коммивояжера убедить покупателя купить товар, цена которого может быть завышена до предела, ссылаясь на уникальность и необходимость товара, а также на большое количество функций. Не все покупатели готовы сразу отдать все свои деньги ради «непревзойденных» свойств товара, поэтому представителю фирмы приходиться использовать разного рода давление на клиента.

Сначала покупателя заинтересовывают, так называемыми, скидками на товар. Даже если покупателю удалось договориться о скидке, это не является существенным достижением, так как рыночная стоимость товара все равно будет в несколько раз ниже.

Большую роль играет «эффект срочности» — например, товар является ограниченным выпуском, либо скидка будет действовать только сегодня, или же это могут быть выгодные условия для кредита, поэтому договор необходимо заключить именно сейчас.

Если же и это не помогает, то продавцы начинают использовать всем известный прием, а именно, «давление на жалость», ссылаясь уже на свои личные проблемы. Какие только причины не придумывают коммивояжеры, чтобы только продать товар доверчивому потребителю.

Важно отметить, что на потенциальных покупателей влияет и то, что продавец потратил много времени, демонстрируя товар. Могут быть и иные методы агрессивного маркетинга, но все это в совокупности носит ударный характер, и не многие могут справиться с таким давлением.

Данные факторы не связаны с правом, но именно из-за психологического давления покупатели совершают покупку, а потом не могут защитить свои права.

Купля-продажа с участием коммивояжера, как уже было сказано выше, не относится не к одному из видов розничной купли-продажи, поэтому законодательно не урегулировано. На основе этого возникают проблемы, когда покупатели, после ухода коммивояжера, начинают полностью оценивать ситуацию и понимают, что сделали весьма невыгодную покупку. На требование расторгнуть договор, фирма уклоняется, ссылаясь на законность договора и невозможность возвращение денежных средств.

На основе судебной практики по спорам потребителей и покупателей можно выделить ряд причин, в связи с которыми, суд все-таки удовлетворил исковые требования покупателей:

1) не соответствие сертификату, [2]
2) не полная или недостоверная информация о товаре, [3]
3) продажа товара бывшего в использовании,
4) отсутствие инструкций, копии сертификата, технического паспорта, [4]
5) товар с повреждениями, [5]
и другие.

Но коммерческие организации также используют данную практику и устраняют все пробелы, существующие в договоре, которые могут повлиять на расторжение договора. При этом они постоянно обучают коммивояжеров, а договоры становятся более качественными, что уменьшает вероятность возврата товара.

Видимые повреждения на товаре тоже несли в себе огромную проблему для покупателей. Царапины и сколы наносились продавцами специально, чтобы впоследствии отказаться от возврата, утверждая, что повреждения появились из-за неаккуратного обращения после передачи товара покупателю. Доказать обратное было крайне трудно.

Поэтому суды все чаще отказывают в удовлетворении требований покупателя, поскольку нет достаточных оснований для расторжения договора.

Мы могли бы применить п. 3 ст. 179 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) о кабальных сделках (сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего), но, к сожалению, в данном случае у покупателей отсутствует необходимый фактор стечения тяжелых обстоятельств.

При изучении судебной практики, мы пришли к выводу о том, что данная норма применяется крайне редко судами, в силу сложности доказывания необходимых признаков кабальных сделок, которые сформулированы, на наш взгляд, крайне абстрактно.

На основе вышесказанного, мы считаем, существует явная необходимость законодательного урегулирования «коммивояжеризма», так как огромное количество невыгодных сделок на практике, начинает носить фактически характер «эпидемии».

Для устранения данного пробела можно предложить два способа их разрешения. Первый состоит в том, что, по нашему мнению, необходимо дополнить понятие кабальные сделки и внести дополнения в п. 3 ст. 179 ГК РФ следующего содержания — признать сделку кабальной, которая также совершена на крайне невыгодных условиях под влиянием и психологическим давлением с другой стороны.

Однако, в этом случае, существует вероятность злоупотребление правом со стороны покупателя и нарушение принципа добросовестности.

Поэтому, на наш взгляд, лучшее решение для устранения данного пробела, это закрепление отдельного вида розничной купли-продажи с участием коммивояжера, а также установление права потребителя на возврат товара и ответственность коммивояжера за способы продажи товара и за качество самого товара.

Литература:

1. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 479 с. 1999.
2. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 15 апреля 2014 года по делу № 33−2883/2014.
3. Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 28 июня 2010 года по делу № 2−2782/10.
4. Решение Мирового судьи судебного участка № 102 г. Артёма Приморского края от 20 июля 2010 года по делу № 2−742/2010.
5. Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан по делу № — 2−9700/2014.

Гражданско-правовой статус должника в структуре обязательства

Смага Татьяна Александровна, магистрант;
Шпак Анастасия Павловна, магистрант
Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В данной статье автор рассматривает гражданско-правовой статус должника в структуре обязательства. Проводится анализ понятия «должник», выделяются признаки, через которые данное определение характеризуется. В заключении автор приводит собственное определение должника.

Ключевые слова: *физическое лицо, юридическое лицо, должник, обязательства, индивидуальный предприниматель, обязательственные правоотношения, причинитель вреда*

Обязательственные правоотношения, как любые иные правоотношение, предполагают как минимум наличие двух субъектов. В легальном определении об обязательствах, сформулированном в статье 307 ГК РФ, обозначены два субъекта обязательства: кредитор и должник. Обязанность по возмещению вреда возлагается по общему правилу на причинителя, который является должник. В данном случае, кредитор в деликтном обязательстве выступает потерпевшим.

Причинителем вреда (должником) может выступать любой субъект гражданского права — гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, а также публично-правовые образования — Российская Федерация, ее субъекты, муниципальные образования.

Для правильного понимания принципа, согласно которому вред возмещается его причинителем, нужно различать понятия фактического причинителя вреда и причинителя как субъекта деликтного обязательства. Дело в том, что фактическим причинителем вреда может быть любое физическое лицо независимо от его возраста и психического состояния. Однако отвечать за свои действия могут лишь деликтоспособные граждане.

Гражданин может быть признан субъектом деликтного обязательства, ответственным за причиненный вред, при условии, что он обладает способностью отвечать за свои действия (поступки) — деликтоспособностью. Данное положение распространяется на российских, иностранных граждан и лиц без гражданства. Организациям — причинителем вреда необходим статус юридического лица. В силу действующего законодательства такое положение присуще совершеннолетним лицам и лицам, признанным судом ограниченно дееспособными, а также несовершеннолетним, достигшим четырнадцати летнего возраста (статья 21, пункт 3 статьи 26, статья 27, пункт 3 статьи 29, абзац 3 пункт 1 статьи 30, статьи 1074, 1077 ГК РФ).

К числу недиликтоспособных, то есть неспособных понимать значение своих действий или руководить ими, не способных понимать отвечать за причиненный вред, относятся несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет, признанные судом недееспособными. (статьи 1073, 1076, 1078 ГК РФ). К должникам также относятся граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Естественно, что вред, причиненный юридическом лицом, — результат противоправных действий его работников, но обязанность возмещения вреда в таких случаях закон возлагает на юридическое лицо (статья 1068 ГК РФ).

В силу пункта 1 статьи 1 ГК РФ, государство, также как и государственные и муниципальные образования, являясь равноправным субъектом гражданских правоотношений, несет соответствующую ответственность за причинения вреда.

В некоторых случаях субъектом ответственности за причинение вреда в деликтном правоотношении выступает не сам гражданин — причинитель вреда, а третье лицо. В данном случае предполагается, что фактически вред может быть причинен лицом, не способным нести ответственность, то есть неделиктоспособным.[1] Например, не исключены случаи, когда вред причиняет ребенок 3–8 лет или гражданин, признанным судом недееспособным. В данной ситуации обязанность возмещения такого вреда возлагается на родителей, (усыновителей), опекунов, образовательных, медицинских организаций или иных организаций, которые и выступают субъектами в возникшем деликтном обязательстве (статьи 1073, 1076 ГК РФ). В случае возмещения вреда они не могут обратить регрессное требование к фактическому причинителю.

Имеются и иные исключения из принципа возмещения вреда его причинителем. Так, обязанность возместить вред может быть возложена на лицо, в чьих интересах правомерно действовал причинитель (статья 1067 ГК РФ).

Как правило, должник — это пассивная сторона в обязательстве, так как на нем лежит ответственность за выполнение определенных действий, либо возвратить денежную сумму. Такую обязанность должник должен исполнить силу прямого указания закона (в случае причинения вреда здоровью гражданину), либо принять добровольно путем заключения договора с кредитором. В отличии вещных правоотношений, где неопределенны круг лиц, должник должен воздержаться от любых действий, нарушающих права, например собственника, в обязательствах должнику следует совершать предписанные ему действия.

Одним из субъектов деликтной ответственности является юридической лица независимо от их вида, т. е. как коммерческие, так и некоммерческие организации.

Внедоговорной вред возникает в результате действий работников или участников юридического лица. Действия работников юридического лица или его членов, совершенные ими в процессе выполнения своих трудовых или членских (корпоративных) функций, является действиями самого юридического лица[2], что нашло свое отражение в пункте 1 статье 1068 ГК РФ, согласно которому юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. При этом под понятием «работник» следует понимать также лица, состоящие в штате данной организации и выполняющие работу по гражданско-правовому договору (контракту), граждане, выполняющие работу по гражданско-правовому договору, если при этом они действовали или должны были действовать по заданию соответствующего юридического лица и под его контролем за безопасным ведением работ. Понятие исполнения трудовых (служебных, должностных) обязанностей

1 Как правильно отметил О. А. Красавчиков, непосредственным причинителем вреда может быть практически любое лицо независимо от его дееспособности (см.: Советское гражданское право / Под ред. О. А. Красавчикова. С. 361.

2 Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 66–67. Впервые концепцию ответственности юридического лица за действия его работников как за свои собственные выдвинул С. Н. Братусь (см.: Братусь С. Н. Некоторые вопросы учения о субъектах права // Сов. государство и право. 1949. N 11. С. 78).

в рассматриваемых правоотношениях также трактуется расширительно: в него включается деятельность, как прямо предусмотренная трудовым договором, так и входящая за его пределы, если она была поручена работодателем по производственной и иной необходимости.

Хозяйственные товарищества и производственные кооперативы возмещают вред, причиненный другим лицам их участниками (членами) при осуществлении последними предпринимательской, производственной или иной деятельности товарищества или кооператива (пункт 2 статьи 1068 ГК). В связи с тем, что такая деятельность осуществляется участниками хозяйственных товариществ и производственных кооперативов, которые состоят с ними не в трудовых, а в корпоративных отношениях. Однако при этом участники названных юридических лиц выступают от их имени и их действия, в том числе вредоносные, также признаются действиями самих этих юридических лиц, за которые последние и несут установленную законом деликтную ответственность.

Причинителями вреда могут быть также публично-правовые образования. Например, вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ и в других указанных в пункте 1 статьи 1070 ГК случаях, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, — за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования. Впоследствии сумма возмещенного вреда

Причинителем вреда — субъектом деликтного обязательства — может быть не одно, а несколько лиц, называемых сопричинителями. Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно (часть 1 статьи 1080 ГК). Необходимым условием применения солидарной ответственности является установление факта совместных действий сопричинителей; наступивший вред должен находиться в причинной связи с результатом действий, в которых участвовали все эти лица, независимо от их «вклада» в совместное причинение. При солидарной ответственности потерпевший может требовать возмещения вреда в любой части или в полном объеме с любого из сопричинителей (содолжников) (часть 1 статья 1080 и статья 323 ГК).

В этом случае исполнивший обязательство должник приобретает право регресса по отношению к остальным должникам (пункт 1 статьи 1081 ГК и пункт 2 статьи 325 ГК). Согласно указанной норме лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей; лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом. Кредитор по регрессному требованию вправе взыскать с остальных сопричинителей долю каждого из них. Размер доли определяется с учетом степени вины каждого сопричинителя. При невозможности определить степень вины доли признаются равными (пункт 2 статьи 1081 ГК).

В некоторых случаях право регресса исключается. Согласно пункту 4 статьи 1081 ГК права регресса к лицу, причинившему вред, не имеют лица, возместившие вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 18 лет, а также гражданами, признанными недееспособными.

Другой стороной деликтного обязательства — кредитором — является потерпевший, т. е. лицо, которому действия (бездействие) причинителя вреда нанесли имущественный ущерб либо повлекли иные негативные последствия. Согласно пункту 1 статьи 1064 ГК гражданин признается потерпевшим, если вред причинен его личности или имуществу, а юридическое лицо — если вред причинен его имуществу. Потерпевшими в деликтном обязательстве могут быть те же лица, которые названы выше в перечне возможных причинителей вреда, — физические и юридические лица, государство, муниципальные образования.

Гражданин может оказаться потерпевшим независимо от возраста, состояния здоровья и других обстоятельств. Например, если повреждено имущество, собственником которого в качестве наследника стал трехмесячный ребенок, потерпевшим в деликтном обязательстве будет этот ребенок, хотя представлять его интересы будет опекун.

В случае причинения смерти потерпевшему стороной в деликтном обязательстве выступают нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания; ребенок умершего, родившийся после его смерти, а также иные лица, указанные в пункте 1 статьи 1088 ГК. Однако право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью самого потерпевшего гражданина, не переходит к его наследникам и не входит в состав наследства (часть 2 статьи 1112 ГК), поскольку предназначено для компенсации только лично ему причиненного вреда.

В силу статьи 402 ГК РФ, действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника. Должник отвечает за эти действия, если они повлекли неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

В данном случае, устанавливается ответственность работодателя своих работников, которые считаются непосредственно действиями должника. При этом имеется ввиду не только действия, но бездействия работника, которое повлекло неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Названное положение не влияют на административную ответственность работника ор работодателя. В соответствии с пунктом 3 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП) назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как привлечение к административной ответственности физического лица не освобождает

от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

Нормы статьи 402 ГК РФ распространяются на тех лиц, с которыми у работодателя — должника заключены трудовые договоры. В то же время в соответствии с частью 4 статьи 11 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) в тех случаях, когда судом установлено, что договором гражданско-правового характера фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям применяются положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права.

Данное положение касается всех работников независимо от того, кто является работодателем (юридическое или физическое лицо), от срока трудового договора (постоянный или временный работник), от того, штатный работник или совместитель, и т. д.

В качестве работодателя согласно статье 20 ТК РФ может выступать физическое либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В качестве работодателей — физических лиц выступают физические лица, зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также частные нотариусы, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию, вступившие в трудовые отношения с работниками в целях осуществления указанной деятельности. Физические лица, осуществляющие в нарушение требований федеральных законов указанную деятельность без государственной регистрации и (или) лицензирования, вступившие в трудовые отношения с работниками в целях осуществления этой деятельности, не освобождаются от исполнения обязанностей, возложенных на работодателей — индивидуальных предпринимателей. Кроме того, в качестве работодателей выступают физические лица, вступающие в трудовые отношения с работниками в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства и не являющиеся индивидуальными предпринимателями.

Обязательным условием ответственности работодателя является выполнение действий работником по поручению работодателя. Такие действия входят в трудовые обязанности работника исходя из трудового договора, нормативных правовых актов, локальных актов работодателя и т. д. Должник отвечает за действия лиц, состоящих с ним в трудовых отношениях, если на них возложено совершение определенных действий в интересах юридического лица, т. е. при условии, что эти действия выполнялись по поручению должника и представляли собой исполнение его обязательства.

Литература:

1. Агарков, М. М. Возникновение обязательств из причинения вреда // Гражданское право. Т. 1 / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. — М., 1944.
2. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. — М.: Издательство Юрайт, 2011.
3. Брагинский, М. И. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М.: Издательство «Статут», 1998.
4. Гражданское право России. Ч. 2. Обязательственное право: курс лекций / отв. ред. О. П. Садиков. — М.: Изд-во БЕК, 1997.
5. Гражданское право: учебник. Ч. 2 / под общ. ред. А. Г. Калпина. — М.: Юристъ, 2000.
6. Гражданское право: в 2 т. Том I: учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство БЕК, 2000.
7. Гражданское право: в 2 т. Том II. Полутом 2: учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — М., 2005.
8. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. — 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
9. Дегтярев, С. Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе: учебно-практическое пособие / С. Л. Дегтярев. — М.: Изд-во БЕК, 2001.
10. Донцов, С. Е. Возмещение вреда по советскому законодательству / С. Е. Донцов.

Понятие партнёрства коммерческих организаций и публичных образований — Российской Федерации, субъектов федерации, муниципальных образований

Шпак Анастасия Павловна, магистрант;
Смага Татьяна Александровна, магистрант
Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В данной статье автор рассматривает поэтапное развитие государственно-частного партнерства в России. Проводится анализ определенных понятий «государственно-частное партнерство», выделяются признаки, через которые данное определение характеризуется. В заключении автор приводит собственное определение публично-частного партнерства.

Ключевые слова: *государственно-частное партнёрство, муниципально-частное партнерство, публично-частное партнерство, взаимодействие, взаимоотношение, правоотношение*

Партнерство коммерции и публичных образований представляется достаточно перспективным способом урегулирования вопросов по взаимодействию частного сектора и государства в различных экономических направлениях. Именно рассматриваемый формат отношений представляется одним из перспективных вариантов закрепления фактического взаимодействия публичных правовых образований и частных материальных ресурсов в рамках совместной инвестиционной и иной деятельности. Существование данного явления обусловлено возникновением взаимодействия государства и частного бизнеса, что является своего рода комплексным явлением, в этой связи его понятийный аппарат до сегодняшнего дня остается в научной среде достаточно дискуссионным, несмотря на наличие легального закрепления.

Отечественное развитие рассматриваемого партнерства происходило поэтапно. До революционный период — это практика заключения соглашений как форм публично-частного партнерства, с частноправовой окраской [1]. Далее период новой экономической политики — условия сотрудничества оговаривались непосредственно государством, привлекались иностранные партнеры. При таких условиях отличительной чертой является вертикальность отношений [2]. Последующим развитием нормотворчества делался акцент на лицензионный (публично-правовой, недоговорной) способ регламентирования отношений государства и частных инвесторов. Тем не мене, в связи с переходом к рыночной экономике названный способ тормозил развитие отношений по капиталовложению. В этой связи, Россия стала постепенно отказываться от такого метода и вернулась к договорному регулированию отношений между бизнесом и государством, а также саморегулированию в предпринимательской сфере [3].

Необходимо отметить, что лишь в 2015 году Российская Федерация нормативно закрепила понятие «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство».

Так, согласно ч.1 ст. 3 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ») государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство представляет собой юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ» в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества.

Определения «государственно-частное партнерство» и «муниципально-частное партнерство», которые законодатель употребляет по тексту ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ» могут быть заменены общим термином «публично-частное партнерство» наряду с которым, так же используются термины «частно-публичное партнерство» [4] и «частно-государственное партнерство» как в отечественной, так и зарубежной литературе, при этом изменения формулировок данного понятия на его существо не влияет.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) подробно дает толкование касательно того, что следует относить к публично-правовым образованиям:

1. Российская Федерация,

Субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования.

Представляется, что понятие «публично-частное партнерство» довольно верно обозначает весь круг субъектов, которые являются сторонами соглашения

о государственно-частном партнерстве и о муниципально-частном партнерстве. При этом одновременно расставлены приоритеты закреплением перед частным публичного.

Вместе с тем следует отметить, что до принятия ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ» рассматриваемое понятие упоминалось так же в Бюджетном кодексе Российской Федерации, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, а также в различных государственных программах. При этом в указанных документах отражалось: деятельность, которая осуществляется на основании принципов государственно-частного партнерства, непосредственное участие в реализации проектов государственно-частного партнерства и прочее.

Однако ученые правоведы продолжают стремиться вкладывать в определение понятия партнерства публично правовых образований и частного сектора наиболее четкие сущностные характеристики отражающие именно рассматриваемое определение.

А. Г. Варнавский утверждает, что государственно-частное партнерство выступает «институциональным и организационным альянсом между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей промышленности и НИОКР, вплоть до сферы услуг» [5]. В данном определении используется такой термин как «альянс», с целью обозначения государственно-частного партнерства. Альянс (франц. alliance) — союз, объединение нескольких организаций, предприятий, лиц на договорной основе [6]. Анализируя представленный понятийный аппарат, цели, приведенные Варнавским, могут выражать как экономическую направленность, так и любые другие общественные сферы. Кроме этого, в рассматриваемой научной формулировке делается акцент на такие немаловажные составляющие такого взаимодействия — как субъекты — государство и частный сектор. Так же возможно выделить из данного определения и цель партнерства — это реализация общественно важных программ и проектов и определяющие направления его реализации промышленность, НИОКР, услуги.

Изложенное понятие является одним из основных и зачастую встречается во многих научных работах, посвященных рассматриваемому явлению.

Тем ни менее, обращают на себя внимание другие понимания государственно-частного партнерства.

Так, Ю. А. Халимовский отмечает, что «основной смысл государственно-частного партнерства состоит не просто во взаимодействии публичных и частных образований, а в качественно ином распределении рисков и в опосредованном участии частных партнеров в реализации некоторых функций публичной власти и решении государственных и общественных задач, что нехарактерно для частного бизнеса» [7]. При этом уточняя, что «любая деятельность государства в сфере гражданских отношений задана его функциями. Существенная разница между участием в государственно-частном партнерстве и предоставлением земельного участка или объекта недвижимости инвестору состоит в том, что публичный субъект предоставляет частному инвестору государственное имущество для достижения прежде всего целей инвестирования, которые ведут, по определению, к извлечению прибыли инвестором и лишь опосредованно имеют социальную значимость. Частный субъект получает возможность получить прибыль, но при этом сам несет все связанные с этим риски и обязан выплатить публичному субъекту деньги за приобретение или использование объекта и выполнить иные инвестиционные условия. Иной цели у публичного субъекта, кроме выполнения функции по предоставлению имущества (например, п. 4 ст. 28 Земельного кодекса Российской Федерации), может и не быть. Да и объект, возведенный инвестором, может быть не связан с транспортом, инфраструктурой и социальной сферой (например, торговый комплекс или завод)». То есть, наряду с целью получения прибыли необходимо, по итогу, достигать и общественно значимые цели и полезный результат, в той сфере отношений, по поводу которой возникло публично-частное партнерство.

Сущность представленного определения Ю. А. Халимовский сводится к тому, что рассматриваемые отношения предоставляют возможность публичному партнеру деятельность частного права применять для исполнения возложенных на него государственных функций и оказания государственных услуг или для обеспечения осуществления отдельных таких функций (услуг) за счет сил частного партнера.

Это дает основание полагать, что отношения государственно-частного партнерства способствуют привлечению частного субъекта к реализации функций государства.

При этом на сегодняшний день четких критериев, которые способствовали идентификации характерности тем или иным отношениям публично-правовых образований и частного сектора общественно значимой цели, не наблюдается.

В научной литературе встречаются такие определения рассматриваемого явления, как всякие официально оформленные отношения или намерения «на фиксированный или неограниченный период времени между государственными и частными участниками, в котором обе стороны взаимодействуют в процессе принятия решения и соинвестируют ограниченные ресурсы... для достижения конкретных целей в определенной области» [8].

В. А. Фильченкова утверждает, что государственно-частное партнерство основано на взаимовыгодных условиях организационно-экономических и имущественно-хозяйственных отношениях, устанавливаемые и развиваемые между публичной властью и частным бизнесом в институционально возможных для данной страны формах в целях реализации международных, национальных, региональных и местных, масштабных и локальных, но всегда

общественно значимых программ и проектов в широком спектре сфер компетенции и ответственности публичной власти [9]

Е. Коровин определяет как «среднесрочное или долгосрочное сотрудничество между общественным и частным сектором, в рамках которого происходит решение политических задач на основе объединения опыта и экспертизы нескольких секторов и разделения финансовых рисков и выгод» [10].

М. Дерябина рассматривает государственно-частное партнерство как «институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности — от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий» [11].

Проведенный анализ рассмотренного понятийного аппарата позволяет выделить следующие признаки, которые, на взгляд автора, точно характеризуют публично-частное партнерство:

— правоотношение;
— общественно значимая цель;
— удовлетворение общественного интереса;
— особый субъектный состав, а именно публичный и частный партнер;
— длительный характер отношений сторон (иностранные правопорядки так же закрепляют такой признак как длительность проектов на основе такого партнерства, то есть их реализации предполагается в течение нескольких десятилетий);
— распределение рисков между частным и публичным партнером;
— равенство сторон:
— регулирование действующим законодательством;

Научные публикации относительно выбранной темы также выделяют и иные признаки, характеризующие публично-частное партнерство, например, специфические формы финансирования проектов [12], а также консолидацию активов и ресурсов партнеров [13].

Таким образом, вышеизложенное позволяет определить публично-частное партнерство как равное, юридически оформленное на определенный срок взаимодействие между публично-правовыми и коммерческими образованиями, порождающее права и обязанности каждой из сторон в отношении друг друга для достижения общественно полезной цели с распределением рисков, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с действующим законодательством.

Литература:

1. Носов Н. К. К кризису понятия концессионного соглашения // Советское право. 1926. № 3, 4.
2. Бернштейн И. Н. Очерки концессионного права СССР. М.; Л., 1930. С. 13—14.
3. Сосна С. А. Концессионные соглашения. Теория и практика. М., 2002. С. 26.
4. Татаркин А. И., Романова О. А., Лаврикова Ю. Г. Теоретические основы государственно-частного партнерства // Бизнес. Менеджмент. Право. 2009. № 1. С. 21.
5. Варнавский В. Г. Приватизационные процессы в инфраструктуре: успехи и ошибки реформ // Мировая экономика и международные отношения — 2005. — № 8. — С. 109—113.
6. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 479 с.. 1999.
7. Халимовский Ю. А. Государственно-частное партнерство в субъектах Российской Федерации: блуждание в темноте // Налоги. 2011. № 14. С. 21.
8. Маштаков К. М. Правовые основы привлечения капитала в публичную инфраструктуру // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 [28]. С. 65.
9. Фильченков В. А. Понятие, принципы, условия эффективности и признаки государственно-частного партнерства. URL: www.mgus.ru/files.journal/number2/filchenkov.doc.
10. Бобряшова С. А. Теоретические подходы к понятию государственно-частного партнерства // Научный потенциал студенчества в XXI веке: мат-лы III Междунар. науч. студенческой конф. Т. 3. Экономика. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009.
11. Государственно-частное партнерство: проблемы, тенденции, перспективы: мат-лы Круглого стола Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 200.
12. Дерябина М. Указ. соч. С. 64
13. Игнатьева Ю. А. Правовые признаки государственно-частного партнерства С. 15.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств

Насер Бахмани Ширага, доктор юридических наук, преподаватель
Таджикский национальный университет (г. Душанбе)

Неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств порождает проявление одной из форм семейно-правовой ответственности. В свою очередь, семейно-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности. Как нам известно, юридическая ответственность — это применение компетентным органом санкции (диспозиции правоохранительной нормы), что выражается в негативных последствиях для правонарушителя.

А. Ф. Черданцев и С. Н. Кожевников писали, что «юридическая ответственность есть разновидность обязанности, наступающей при наличии определенных деяний или их результатов, отрицательно оцениваемых законодателем и очерченных в нормах права. Такая обязанность выступает как мера определенных неблагоприятных для субъекта лишений, ограничений личного и имущественного характера [1] «. С. Н. Братусь отмечал, что «юридическая ответственность — это та же обязанность, но принудительно исполняемая» [2].

Факт правонарушения порождает охранительное правоотношение, в рамках которого государство вправе применить к правонарушителю принуждение, но в пределах санкции, а правонарушитель обязан подвергнуться мерам государственного принуждения, назначенным компетентным органом государства с соблюдением надлежащей процессуальной формы.

Правоотношения ответственности возникают в связи с юридическим фактом правонарушения и заключаются в реализации обязанности правонарушителя претерпеть неблагоприятные для него правоограничения. Правоотношения ответственности носят характер властеотношения, которое непосредственно реализуется государственным принуждением. В правоотношении ответственности государственное принуждение действует непосредственно, не в виде психологической угрозы наступления неблагоприятных последствий, так как правонарушитель реально претерпевает неблагоприятные правоограничения, предусмотренные санкцией нарушенной нормы. [4]

Спорна позиция О. Э. Лейста, который указывал на то, что взыскание алиментов сопряжено со значительным правовым уроном для лица, с которого взыскиваются алименты по решению суда, так как такое взыскание может применяться и к добросовестному плательщику, который лишен права защиты от принудительного взыскания. Это неверно, поскольку ответственность связана с дополнительными обременениями и лишениями виновного лица, чего нельзя сказать при взыскании алиментов. В данном случае обязанность, возложенная на алиментоплательщика, исполняется принудительно.

В алиментных правоотношениях возможно применение семейно-правовой, уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности за их неисполнение и ненадлежащее исполнение. Действующее законодательство устанавливает, что «обязательство должно исполняться надлежащим образом, ... т. е. должно быть исполнено надлежащими субъектами, в надлежащем месте, в надлежащее время, надлежащим предметом и надлежащим образом [3] «, и в качестве общего правила предписывает необходимость совершения должником именно тех действий, которые составляют содержание обязательства, без замены этого действия денежным эквивалентом в виде возмещения убытков и уплаты неустойки [4]. Неисполнение алиментных обязательств следует понимать как невыполнение возложенных на алиментоплательщика обязательств. А ненадлежащее исполнение алиментных обязательств — это пренебрежительное или неправильное исполнение судебного решения или соглашения об уплате алиментов. Могут иметь место просрочки исполнения алиментного обязательства, попытки сокрытия доходов и т. д.

Внимание к алиментам у законодателя особое, поскольку они служат источником обеспечения нормальных материальных условий жизни ребенка. Действующие нормативные правовые акты довольно подробно регулируют порядок взыскания алиментов на несовершеннолетних детей. В результате отказа родителя от денежного содержания ребенок не получает необходимых средств для полноценного физического и интеллектуального развития.

Рассмотрение мер ответственности за нарушение (неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств) следует начать с мер семейно-правовой ответственности.

В рамках данного вида ответственности уклонение от уплаты алиментов влечет серьезные судьбоносные меры,

одной из которых является лишение родительских прав. Лишение родительских прав — это санкция, применяемая к родителю-правонарушителю, при применении которой он теряет все права, основанные на факте родства с ребенком. Лишение родительских прав влечет лишение неимущественных прав на воспитание, которое включает в себя такие правомочия как установление места проживания ребенка, решение вопросов о его обучении, общения с ним и др., а также имущественных, в частности, прекращение выплаты взысканных в пользу ребенка алиментов, пенсии, льгот, пособий и других платежей.

Данная мера наказания применяется при злостном уклонении от уплаты алиментов. Дополнительно к лишению родительских прав за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей применяется также уголовно-правовая санкция.

Понятие злостного уклонения не раскрывается в Семейном кодексе.

Поэтому для его раскрытия необходимо обратиться к статье 177 УК РТ, в соответствии с которой злостным уклонением признается уклонение без уважительных причин более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста [3]. Для того, чтобы признать виновного родителя уклоняющимся, необходимо иметь в руках не только решение суда о взыскании алиментов, но и приговор суда о том, что лицо осуждено по данному составу преступления. Следует добавить, что норма ст. 177 УК РТ указывает лишь на необходимость наличия решения суда о взыскании алиментов, не учитывая значение соглашения об уплате алиментов, которое в соответствии со ст. 101 СК РТ имеет силу исполнительного листа.

Кроме лишения родительских прав Семейный кодекс Республики Таджикистан предусматривает в ч. 5 ст. 88 положение, согласно которому дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения родительских обязанностей. Следует отметить, что уклонение от выполнения родительских обязанностей должно быть доказано, и в данном случае применяется такая мера семейно-правовой ответственности как лишение права на алименты от своих трудоспособных совершеннолетних детей. В диспозиции данной статьи говорится именно об уклонении, а не о злостном уклонении. По нашему мнению, любая задержка выплаты алиментов без уважительной причины должна квалифицироваться как уклонение и в дальнейшем влиять на применение санкции к алиментнообязанному родителю. Подобная мера семейно-правовой ответственности применяется и в отношении родителей, лишенных родительских прав. Безусловно, это справедливо, поскольку родители были в прошлом лишены своих прав в отношении детей за виновное противоправное совершение семейного, иногда и уголовного, правонарушения. Никаких не только правовых, но и моральных прав не имеют подобные родители на получение содержания от своих детей.

В супружеских отношениях возможно применение такой меры ответственности как освобождение от обязанности по содержанию или ограничение этой обязанности сроком, если супруг вел себя недостойно как в браке, так и после его расторжения, злоупотреблял спиртными напитками, наркотическими средствами или совершил умышленное преступление.

Понятие недостойности определяется нормами не права, а морали. Одни авторы считают, что оно «выражается в пренебрежительном отношении к семейным обязанностям, безразличии к жене, детям, в грубости по отношению к членам семьи, в супружеской измене, злоупотреблении спиртными напитками или наркотическими средствами и т. п. [1]«, другие — что это поведение, не соответствующее правовым нормам, нормам морали и нравственности. В данном случае можно сказать, что супруг вел себя аморально и его действия осуждаются в обществе. К примеру, супруг требующий алименты, изменял другому, вел себя вызывающе и т. д.

Другим основанием для лишения права на алименты супруга или бывшего супруга является совершение умышленного преступления. Причем закон не указывает, каков объект преступного посягательства. В юридической литературе указывалось, что основанием для применения данной меры ответственности является совершение преступления именно против супруга, с которого взыскиваются алименты. Т. П. Евдокимова пишет, что суд вправе освободить супруга от уплаты алиментов в пользу другого совершеннолетнего дееспособного супруга, несмотря на его нетрудоспособность и нуждаемость в помощи, если судом будет установлено, что этот супруг совершил в отношении лица, обязанного уплачивать алименты, умышленное преступление или в случае его недостойного поведения в семье.

Скорее всего, это и подразумевается, поскольку и статья 93 СК РТ называется «Освобождение супруга от обязанности по содержанию другого супруга или ограничение этой обязанности сроком». Кроме того, бывают случаи, когда супруг совершает умышленное преступление именно ради содержания второго супруга, а в дальнейшем последний может себя освободить от этой обязанности в связи с совершением преступления супругом.

По нашему мнению, расширенная диспозиция данной нормы несправедлива. Поэтому считаем целесообразным конкретизировать, дополнив словами «против супруга и его родственников», ст. 93 СК РТ и изложить ее в следующей редакции: «Суд может освободить супруга от обязанности содержать другого нуждающегося нетрудоспособного супруга или ограничить эту обязанность определенным сроком, как во время брака, так и после его расторжения:

— в случае совершения умышленного преступления против супруга или его родственников».

Подобная мера ответственности применяется и к отчимам и мачехам, которые предъявляют иск о взыскании

алиментов, не имея на это никаких прав, поскольку они в свое время выполняли свои обязанности по воспитанию и содержанию ненадлежащим образом (ч. 2 ст. 98 СК РТ). Наличие алиментных обязательств в отношении совершеннолетних трудоспособных пасынков и падчериц указывает на то, что отчимы и мачехи заслужили право на их получение, воспитывая и содержа их как своих воспитанников. Исполнение своих обязанностей ненадлежащим образом, выход за пределы допустимых методов воспитания, жестокое обращение, пренебрежение детьми является основанием для освобождения пасынков и падчериц от алиментной обязанности. Безусловно, доказать совершенное в прошлом ненадлежащее воспитание сложно, если, конечно, нет доказательной базы. В силу того, что семья является замкнутым пространством и вмешательство в дела семьи недопустимо, сложно узнать об имеющихся в семье нарушениях прав ее членов.

В отношении ответственности родителей за содержание ребенка можно добавить, что она не ограничивается мерами семейно-правовой ответственности.

Так, в соответствии со ст. 90 Кодекса об административных правонарушениях неисполнение родителями обязанностей по содержанию, при отсутствии признаков преступления, влечет предупреждение или наложение штрафа в размере от одного до трех показателей для расчетов. Статьи 177–178 Уголовного кодекса РТ устанавливают ответственность за злостное уклонение родителей от содержания детей и злостное уклонение детей от содержания нетрудоспособных родителей. Санкция по обоим составам преступления одинакова и наказывается обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов или исправительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок. Причем злостным считается без уважительных причин уклонение детей более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание.

К мерам ответственности за неисполнение в добровольном порядке алиментных обязательств относится возложение на должника судебными исполнителями дополнительных имущественных обременений. В частности ст. 87 Закона РТ «Об исполнительном производстве» предусматривает уплату исполнительского сбора за принудительное исполнение исполнительного документа имущественного характера в размере семи процентов от взыскиваемой суммы.

К расходам по совершению исполнительных действий относятся средства, затраченные на:

— выявление, осмотр, оценку имущества должника;
— организацию, опись и арест имущества должника, перевозку и хранение такого имущества;
— реализацию арестованного имущества;
— оплату переводчиков, специалистов и других лиц, привлечённых в установленном порядке к исполнению исполнительных действий; транспортные расходы судебного исполнителя при совершении исполнительных действий;
— почтово-телеграфные расходы, расходы на электрическую связь и иные коммуникационные расходы; розыск должника;
— авансовый взнос взыскателя;
— другие необходимые действия в процессе исполнения исполнительного документа.

Еще одной важной мерой семейно-правовой ответственности является ответственность за несвоевременную уплату алиментов. Согласно ст. 116 СК РТ виновное образование задолженности со стороны алиментоплательщика влечет взыскание неустойки в размере одной десятой процента за каждый день просрочки исполнения алиментного обязательства от суммы невыплаченных алиментов.

Следует отметить, что за неуплату алиментов в ИРИ законом предусмотрено уголовное наказание. Согласно ст. 642 Уголовного кодекса любой, кто может обеспечить расходы на содержание своей семьи, должен произвести соответствующие выплаты. В противном случае он будет приговорён к тюремному заключению на срок от 3 месяцев и одного дня до 5 месяцев включительно.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 12 от 16 декабря 2004 года, ответственность не может быть возложена на плательщика алиментов в случае, если задолженность образовалась по вине других лиц, в частности, в связи с несвоевременной выплатой зарплаты или неправильным перечислением алиментных сумм банками и т. д. [2] Как мы видим, основанием является виновное поведение алиментоплательщика, который своими действиями образовал задолженность по алиментам.

Вышеописанное положение касается взыскания алиментов по решению суда, и не затрагивает положение, когда алиментополучатель и алиментоплательщик заключили соглашение об уплате алиментов. В этом соглашении может отсутствовать положение о неустойке, но это не говорит о том, что просрочка за своевременную оплату алиментов не влечет привлечения к ответственности. Данный законодательный вакуум породил различные взгляды на данную проблему.

Так, С. А. Сидорова в силу систематического толкования гражданского и семейного законодательства пришла к выводу, что если в соглашении об уплате алиментов отсутствует условие о договорной неустойке, то может быть применена норма о процентах за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания [3]. М. В. Антокольская считает, что если меры ответственности за ненадлежащее исполнение отсутствует в соглашении об уплате алиментов, то к лицу, не исполняющему соглашение, применяются меры о законной неустойке. С. Н. Тагаева также считает, что это правильно, так как в случае, если отношения между членами семьи не урегулированы семейным законодательством или соглашением сторон и при отсутствии норм гражданского права, прямо регулирующих указанные отношения, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяются нормы

семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения.

Как правильно было замечено М. И. Брагинским, «общая норма о применении гражданского законодательства к семейным отношениям закрепляет принцип субсидиарности.

Это законодательство регулирует указанные отношения при наличии двух непременных условий: речь идет о случаях, когда семейные отношения не урегулированы семейным законодательством; при этом применение гражданского законодательства не противоречит существу семейных отношений [3] «. Таким образом, при отсутствии в соглашении об уплате алиментов положения о неустойке, можно применять нормы семейного законодательства, предусматривающие ответственность за несвоевременную уплату алиментов.

Литература:

1. Черданцев А. Ф., Кожевников С. Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 5. С. 40.
2. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 88.
3. Эльназаров Д. Х. Курс лекций по дисциплине «Проблемы теории государства и права». Душанбе: РТСУ, 2010. С. 245.
4. Теория государства и права / отв. ред. А. В. Малько. М.: Кнорус, 2006. С. 236.
5. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: Изд-во МГУ, 1981. С.116.
6. Тагаева С. Н. Иные неблагоприятные последствия как форма семейно-правовой ответственности // Вестник университета. Душанбе: РТСУ, 2013. № 1 (40). С. 25.
7. Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2004. С. 531.
8. Гражданское право: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право / Витрянский В. В. [и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 47.

Соотношение положений Гражданского и Семейного кодексов РФ, регулирующих имущественные отношения супругов

Стрюковатый Владимир Валерьевич, магистрант
Ивановский государственный университет

В данной статье раскрывается соотношение норм семейного и гражданского законодательства Российской Федерации. Имущественные отношения супругов образуют материальную основу семьи и являются той сферой, где юридическая составляющая играет первостепенную роль. Однако нормы действующего семейного законодательства не регулируют в полном объеме весь спектр гражданско-правовых отношений, возникающих между супругами.

Ключевые слова: *семья, имущество супругов, совместная собственность, семейное законодательство*

Каждый из супругов до вступления в брак может иметь в собственности имущество, которым он может владеть и распоряжаться по своему усмотрению самостоятельно. Однако право пользования таким имуществом (вместе с бременем его содержания) может входить в состав общего имущества супругов. Каждый из супругов имеет равные права на владение, пользование и распоряжение совместной собственностью в порядке, определяемом статьей 35 Семейного кодекса Российской Федерации.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации, рассматривать имущественные правоотношения между супругами, возникшие или возникающие по поводу их совместной собственности, а также их взаимного материального содержания, необходимо по нормам семейного права. Имущественные отношения супругов по поводу их совместной собственности, в отличие от личных имущественных прав граждан, нуждаются в правовом регулировании [6].

Это необходимо потому, что, во-первых, практически всегда имущественные права граждан могут быть осуществлены принудительно, а за неисполнение имущественных обязательств возможно применение санкций. Во-вторых, имущественные отношения требуют определенности и должны быть четко регламентированы законом. В этом заинтересованы не только сами супруги, но и их наследники, кредиторы и т. д.

Данную проблему не снимают и положения статьи 4 Семейного кодекса, которая указывает на то, что имущественные отношения между членами семьи, которые не урегулированы нормами семейного законодательства,

подлежат урегулированию нормами законодательства гражданского (по аналогии), поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Однако, провести границу между правоотношениями, подчиненным нормам семейного или гражданского права, руководствуясь нормами действующего законодательства, на практике оказалось довольно сложно. Но наличие в законе указанного правила предоставляет возможность для неограниченного субсидиарного применения по отношению к имущественным отношениям супругов гражданского законодательства.

Современное семейное законодательство России (так же, как и семейное законодательство в советский период) не содержит тех качественных материальных критериев, которые позволяют отграничивать семейные отношения от отношений, которые регулируются иными отраслями права. Данные отношения отличаются лишь формальными признаками. К таким признакам относится, например, их возникновение между супругами в результате заключения между ними брака. В этом случае единственным способом, который позволяет прямо определить, применимо ли в данном случае семейное законодательство, является установление существующих норм семейного права, прямо регулирующих такие отношения. В том случае, если такие нормы не существуют, необходимо выяснить, регулируются ли данные отношения нормами гражданского права.

Более того, статья 5 Семейного кодекса предусматривает, что в случае, когда семейные отношения не могут быть урегулированы семейным законодательством, и при отсутствии норм гражданского законодательства, прямо регулирующих такие отношения, к ним применяются нормы семейного и (или) гражданского права, регулирующие сходные отношения (то есть, аналогия закона). Если же такие нормы отсутствуют, то права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал семейного или гражданского законодательства (то есть, аналогия закона). Данная норма закона, на мой взгляд, устанавливает равенство норм семейного и гражданского права при регулировании семейных отношений, в том числе, и имущественных.

Здесь становится очевидным тот факт, что семейное законодательство не может регулировать все возникающие между супругами имущественные отношения, поскольку не содержит норм, регулирующих, например, взаимоотношения супругов при возникновении ответственности по обязательствам, включая и распределение долгов между ними, или же, определение прав супругов в случае, если применяется принудительное исполнение решение суда о наложении взыскания, по обязательствам одного из супругов, т. д.

В тоже время, при отсутствии норм, регулирующих имущественные обязательства супругов, семейное законодательство подробно регулирует право общей собственности супругов. Данное право, как разновидность вещного права, образует основу законного режима имущества супругов и подробно изложено в главе 7 Семейного кодекса Российской Федерации.

Кроме того, возможность применения норм гражданского законодательства к семейным отношениям предусмотрена в некоторых случаях, прямо указанных в Семейном кодексе. В ряде статей Семейного кодекса указаны конкретные нормы гражданского законодательства, которые необходимо применять при разрешении вопросов, возникающих в семейных отношениях. Например, при определении прав супругов владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, которое является совместной собственностью членов крестьянского или фермерского хозяйства (пункт 2 статьи 33 Семейного кодекса), законодатель предполагает применение норм, указанных в статьях 257 и 258 Гражданского кодекса Российской Федерации. Или же, в случае предъявления кредитором супруга-должника требования об изменении условий или расторжении заключенного между ними договора, Семейный кодекс предполагает применение норм статей 451–453 Гражданского кодекса (пункт 2 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации).

Сходные положения содержатся также в нормах и Семейного и Гражданского кодексов, в которых личное имущество отграничивается от совместной собственности супругов. Основным критерием оба кодекса считают момент вступления в брак. [6] Пункт 2 статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункт 1 статьи 36 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливают, что имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, является его собственностью. Кроме того, данными нормами предусмотрены также случаи, когда один из супругов в период брака получает в личную собственность имущество в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам. Факт получения имущества в собственность по любым основаниям, а также время его получения должны быть документально подтверждены, так как на практике, процесс отграничения спорного имущества от имущества, которое является общей собственностью супругов, весьма затруднителен.

Однако законом прямо предусмотрены исключения из общих правил отнесения имущества к личной собственности одного из супругов. В статье 256 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо предусмотрены случаи, при которых возможна трансформация правового режима личного имущества одного из супругов в разряд их общей собственности. Так, имущество одного из супругов может быть признано судом их совместной собственностью, если установлено, что в течение брака были произведены значительные улучшения этого имущества, которые значительно увеличившие его стоимость (например, капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и т. п.) [7]. Также статьей 37 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено такое основание для изменения правового режима совместной собственности, как труд только одного из супругов.

Еще одним исключением из общих правил правового режима совместной собственности супругов является исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, которое может принадлежать одному из супругов, — автору такого результата, предусмотренное положениями статьи 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации. Такое право не входит в общую собственность супругов на основании пункта 2 статьи 256 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако доходы, полученные от использования такого результата, являются совместной собственностью супругов, что не противоречит положениям законодательства о праве на результат интеллектуальной деятельности.

Кроме того, закон устанавливает бездолевой характер правового режима совместной собственности супругов, так как доли супругов в такой собственности не определены заранее. Таким образом, имущество, приобретенное супругами в течение брака, принадлежит в равной степени каждому из них [7].

Законный режим совместной собственности супругов устанавливает, во-первых, равенство прав обоих супругов на совместно нажитое в браке имущество. При этом закон не устанавливает материальный вклад каждого из супругов в приобретение этого имущества. То есть, такой вклад не зависит от уровня доходов каждого из супругов. Такой нормой закон гарантирует право на общее имущество того из супругов, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход и воспитание детей, либо по иным причинам не имел самостоятельного дохода.

Бездолевой характер совместной собственности супругов, установленный в силу закона, определяет порядок владения, пользования и распоряжения каждым из супругов их общим имуществом [3]. И такой порядок предполагает наличие согласованности между супругами и добросовестности в их действиях, то есть, правовую презумпцию. Признаки данной презумпции содержаться не только в нормах гражданского законодательства (например, ст. 1 — Об основных началах гражданского законодательства, и п.5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в рекомендациях Пленума Верховного суда Российской Федерации, которые изложены в п.1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Так же в Семейном кодексе существуют нормы бланкетного характера со ссылками на необходимость применения норм гражданского законодательства, которые необходимо использовать правоприменителю, но без указания конкретных статей Гражданского кодекса. Такие ссылки содержаться, например, в пункте 2 статьи 30 Семейного кодекса, предусмотрено применение положений о долевой собственности к имуществу, приобретенному совместно лицами, брак которых признан недействительным. Или, пункт 4 статьи 30 Семейного кодекса, который предусматривает возмещение добросовестному супругу, при признании брака не действительным, материального и морального вреда.

Действующий Семейный кодекс рассматривает и новый для отечественного семейного законодательства режим имущества супругов, — договорной. Он является альтернативой законному режиму, и регламентируется Главой 8 Семейного кодекса Российской Федерации. Однако здесь необходимо уточнить, что заключение брачного договора полностью регулируется нормами гражданского договорного права, тогда как семейное законодательство содержит лишь саму возможность заключения такого договора между супругами и положения, регулирующие его особенности.

Таким образом, на сегодняшний день, семейным законодательством Российской Федерации имущественные отношения супругов урегулированы лишь отчасти. Законом не регулируются, например, имущественные отношения супругов по поводу их раздельного имущества, их имущественные отношения после раздела общего имущества (если раздел осуществлен в браке), обязательственные отношения, возникающие между супругами в связи с реализацией полномочий собственников общего имущества, обязательственные отношения супругов перед третьими лицами, порядок раздела некоторых видов имущества, имеющих особый правовой режим (который отличается от права собственности), порядок заключения соглашения о разделе имущества супругов и др.

Если же говорить о применении к имущественным отношениям супругов положений Гражданского кодекса Российской Федерации, то такое правило, закрепленное в статье 4 Семейного кодекса, применяется к не урегулированным семейным законодательством имущественным отношениям супругов. Но, как и в Семейном кодексе, в Гражданском кодексе также не указан материальный критерий, который необходим для отграничения сферы гражданского-правового регулирования от сферы семейно-правового регулирования.

Так, к заключению, исполнению и расторжению брачного договора, а также к соглашению об уплате алиментов, применяются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, которые регулируют порядок заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок. Равно как и вопросы заключения и расторжения брака, регулируемые положениями Семейного кодекса, не могут разрешаться с применением к ним положений Гражданского кодекса Российской Федерации.

Общие начала регулирования имущественных отношений супругов в Гражданском кодексе установлены в статье 256, в которой перечислены основания возникновения общей собственности супругов. Отсюда можно сделать вывод, что режим общей собственности регулируется одновременно нормами и семейного и гражданского

законодательства. Следовательно, к режиму общей собственности применимы как общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации о собственности, так и положения о совместной собственности. Семейное же законодательство конкретизирует соответствующие нормы Гражданского кодекса. При этом — ему не противоречит. То есть, нормы гражданского законодательства, регулирующие режим общей собственности супругов должны применяться с учетом конкретизирующих правил, которые содержатся в положениях Семейного кодекса.

Как уже говорилось выше, применение гражданского законодательства к семейным отношениям, осуществляется и в случаях, прямо предусмотренных нормами Семейного кодекса Российской Федерации. Еще раз можно указать на то, что законодатель предполагает применение положений статей 257 и 258 Гражданского кодекса Российской Федерации при определении прав супругов владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, которое является совместной собственностью членов крестьянского или фермерского хозяйства, также указанных в пункте 2 статьи 33 Семейного кодекса, или же, применение норм статей 451–453 Гражданского кодекса в случае предъявления кредитором супруга-должника требования об изменении условий или расторжении заключенного между ними договора (пункт 2 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации).

Кроме того, Семейный кодекс напрямую ссылается на нормы гражданского законодательства при изменении или расторжения брачного договора (пункт 2 статьи 43 Семейного кодекса), признании брачного договора недействительным (пункт 1 статьи 44 Семейного кодекса), а также в случае, когда супруги обязаны нести ответственность за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми (пункт 3 статьи 45 Семейного кодекса). Во всех указанных случаях не указано, на нормы каких конкретно статей Гражданского кодекса необходимо ссылаться, а указывается лишь необходимость в этом.

Следовательно, при наличии в Семейном кодексе правовых норм, регулирующих имущественные отношения супругов, такие отношения регулируются этими нормами. Если же в семейном законодательстве таковые нормы отсутствуют, то применяются общие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, а также нормы, содержащиеся в других нормативно-правовых актах гражданско-правового регулирования.

Таким образом, и семейное законодательство, и гражданское, содержат нормы, подлежащие применению при регулировании имущественных отношений супругов, с одной стороны, и не определяют законодательно установленного материального критерия для разграничения семейных имущественных отношений, регулируемых этими отраслями права.

Литература:

1. Дерюшева О. И. Имущество супругов: некоторые дискуссионные вопросы // Современное право. 2007. № 2. С. 53–57.
2. Калинич В. Е. Правовое регулирование режима общей собственности супругов на недвижимое имущество // Вектор науки ТГУ. 2015. № 4. С. 15–17.
3. Попова О. В. К вопросу о существовании презумпции общности имущества супругов // Проблемы современного российского законодательства: сб. ст. / Российская правовая академия Министерства юстиции РФ. Иркутск. 2013. С. 212–216.
4. Пугачев В. Н. Дела о разделе имущества супругов: общетеоретический аспект // Фундаментальные и прикладные исследования. 2013. № 9. С. 287–291.
5. Рязанцева В. Правомочия по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом супругов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 6. 67–71.
6. Савельева Н. М. Имущество каждого из супругов: проблемы теории и практики // Вестник ТвГУ. 2014. № 2. С. 254–261.
7. Толстикова О. М. Законный режим имущества супругов // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 19–21.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

К вопросу о классификации земельных споров

Фролов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

Многообразие существующих в науке понятий земельных споров указывает на необходимость их классификации. Земельные споры, такие авторы как Е. С. Болтанова, Б. В. Ерофеев, Г. А. Мисник и др. классифицируют по разному. Нам представляется интересным перечень следующих позиций.

Е. С. Болтанова проводит классификации земельных споров в зависимости от характера, субъектов споров и по другим основаниям [1, с. 70]. Земельные споры в зависимости от их связи с имущественными отношениями делятся на две группы.

1. Чисто земельные споры (или земельные споры, не связанные с имущественными отношениями), т. е. споры, которые связанны с нарушением или оспариванием прав граждан или юридических лиц на земельные участки. В таких спорах имущественный интерес, как правило, отсутствует, или не выступает на первый план, и ни одной из сторон не причинен материальный ущерб. К этой категории споров можно отнести споры об оспаривании границ и размеров земельных участков, об устранении препятствий в пользовании земельным участком, споры между супругами (в том числе бывшими) о разделе общего земельного участка или определения порядка пользования этим участком, споры о преимущественном праве наследования земельного участка определенного целевого назначения и др.

2. Земельно-имущественные споры (или земельные споры, тесно связанные с имущественными отношениями) — это споры по поводу земельных участков, при разрешении которых требуется и определение прав на иное имущество. Наличие приведенной категории споров объясняется тем, что право на недвижимое имущество (здание, строение, сооружение, помещение) тесно связано с правом на земельный участок, обслуживающий эту недвижимость. К таким земельным спорам можно отнести споры о порядке пользования или разделе земельного участка между совладельцами жилых домов и иных строений, споры об определении права на земельный участок, занятый недвижимостью и необходимый для ее использования. Последний вид споров получил широкое применение в практике судов, и возникает он, как правило, в случае покупки недвижимости, находящейся на земельном участке, и не оформлении прав на соответствующий земельный участок.

Е. С. Болтанова кроме двух перечисленных групп, так же выделяет имущественные споры, связанные с земельными отношениями (где нет спора о праве на земельный участок) [1, с.91]. Имущественные споры, связанные с земельными отношениями, являются по своему характеру гражданско-правовыми, и их объектом выступает право на какое-либо имущество (имущественные права). К ним относятся: требование о возмещении убытков, вызванных изъятием или временным занятием земельного участка для государственных и муниципальных нужд, ограничением прав пользователей земельных участков или ухудшением качества земли и ее порчей; требование о возмещении убытков, причиненных в результате нарушения прав и законных интересов субъектов, использующих землю (например, при самовольном занятии земельного участка, загрязнении), и др. Для защиты нарушенных прав и законных интересов собственников, землевладельцев, землепользователей, арендаторов земельных участков необходимо разрешение возникшего земельного спора. Обращаясь в компетентный орган, лицо приводит в действие весь механизм защиты, в рамках которого государство реализует свои властные полномочия. Разрешение земельных споров выражается в выяснении уполномоченным органом пределов и содержания прав и обязанностей спорящих сторон и установлении этими органами обязательного поведения сторон. Уполномоченный орган вправе (а точнее — обязан) принудить ответчика к совершению определенных действий: возместить причиненные убытки; признать право истца на земельный участок; исполнить свою обязанность; прекратить противоправные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц.

Б. В. Ерофеев классифицирует земельные споры в зависимости от порядка их рассмотрения на административные и судебные, а так же по объекту, субъекту спора и другим основаниям. Рассмотрим их по отдельности [6, с. 600]:

1. Споры, возникающие по поводу предоставления земельных участков (по поводу нарушения правил предоставления земельных участков, нарушения границ землепользований, происшедшего при отводе земельных участков). Например, отводя участок в собственность тех или иных

лиц, геодезическая служба допустила ошибку в определении границ нового землепользования и отвела новому землепользователю часть уже принадлежащей другому собственнику земли; землепользователь самоуправно присвоил себе часть земель ной площади соседа; соседний землепользователь незаконно перекрыл проход через земельный участок, являющийся местом общего пользования, и т. п. Во всех этих случаях потерпевшее лицо, его представители и иные заинтересованные лица вправе обращаться с иском в суд и по суду добиваться восстановления нарушенных прав.

2. Споры, возникающие в ходе осуществления прав на использование земли (как собственник, так и арендатор, иные лица, осуществляющие использование земли, вправе оспаривать по суду).

3. Споры, возникающие при изъятии земельных участков.

4. Земельные споры, возникающие из негаторных (владельческих) исков.

5. Земельные споры, возникающие в связи с земельно-планировочными работами.

6. Споры по поводу возмещения убытков, причиненных в ходе осуществления земельных правоотношений.

По предмету земельные споры Б. В. Ерофеев подразделяет на споры, возникающие по поводу:

— определенных земельных прав (например, права собственности на земельный участок, права преимущественного перед другими лицами возобновления арендных отношений, права наследования земельного участка и т. п.);
— признания поземельных прав, т. е. прав на недвижимость, связанных с правом на земельный участок, и т. п.;
— признания имущественных прав (например, права на компенсацию убытков, причиненных правомерными или неправомерными действиями; права на урожай, выращенный до расторжения договора аренды земельного участка, и т. п.).

Г. А. Мисник выделяет две категории споров [2, с. 100].

По субъектному составу:

1) между правообладателями земельных участков (раздел земельного участка, определение порядка пользования земельным участком и т. д.);
2) государственными, муниципальными органами и правообладателями (споры, возникающие при приватизации земельных участков, о бесплатном предоставлении земельных участков некоторым категориям граждан).

По предмету спора:

1) о незаконных ограничениях либо препятствиях в пользовании;
2) о самовольном захвате и самовольной застройке земельного участка;
3) о незаконном отказе в предоставлении земельного участка;
4) о незаконном отказе в государственной регистрации прав на земельный участок и сделок с ним;
5) о возмещении убытков причиненных правообладателям земельных участков;
6) о незаконном изъятии земельных участков;
7) об отмене ненормативных актов, нарушающих права на земельные участки;
8) о признании права на земельный участок;
9) об истребовании земельного участка из чужого незаконного владения.

В зависимости от вида органа, разрешающего споры, анализ действующего законодательства указывает на наличие 2-х групп: административный и судебный порядок рассмотрения дел. До земельной реформы (1991) земельные споры в нашей стране разрешались в основном в административном порядке. Принятый Земельный кодекс РСФСР 1991 г. предусматривал административный (Советами народных депутатов) и судебный порядок рассмотрения земельных споров. Административному разрешению споров отводилась роль досудебной процедуры. Земельные споры, согласно современному законодательству, разрешаются в судебном порядке. Споры рассматриваются судами в соответствии с установленной законом подведомственностью и подсудностью (гл. 4 АПК РФ; гл. 3 ГПК РФ). Конкретные категории дел, подведомственные судам общей юрисдикции, были обозначены Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 22 апреля 1992 г. «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении законодательства о земельной реформе» [5].

Таким образом все классификации разных исследователей земельного права в некоторых, а порой и во всех своих проявлениях схожи между собой. Нам представляется, что земельные споры с правоприменительной практикой можно разделить на следующие группы: административный и судебный порядок. При этом судебный порядок разрешения споров, на наш взгляд, предусматривает наличие следующей группы [3, с. 170]:

1) о признании права собственности на садовые участки и объекты недвижимости;
2) о порядке выдела земельного участка в счет земельных долей в праве общей собственности из земель сельскохозяйственного назначения;
3) о признании права собственности на невостребованные земельные участки в составе земель сельскохозяйственного назначения;
4) иные споры о праве собственности на землю.

К другим спорам, связанным с землепользованием, относят:

1) о возмещении убытков, причиненных нарушением прав собственников земельных участков землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, связанных с изъятием земельных участков либо ограничением права владения, пользования и распоряжения им;

2) дела по искам СНТ (другой садоводческое организации) к членам СНТ (другой садоводческой организации) и другим лицам, связанные с членством и пользованием земельными участками;
3) об устранении препятствий в пользовании земельными участками и объектами недвижимости;
4) о признании недействительным решения общего собрания СНТ;
5) споры, связанные с самовольной постройкой;
6) споры о правах на земельные участки, на которых расположены многоквартирные дома;
7) в иных случаях, связанных с землепользованием.

Литература:

1. Болтанова Е. С. Земельное право: учебник. — 2-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. — 443 с.
2. Земельное право: учебник / отв. ред. Г. А. Мисник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 320 с.
3. Земельное право: учебно-практическое пособие с использованием информационно-коммуникационных технологий // Шарно О. И.; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. Образования «Волгогр. гос. ун-т», каф. конституц. и муницип. права. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. — 192 с.
4. Земельное право России: учебник для вузов / Б. В. Ерофеев; науч. ред. Л. Б. Братковская. — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 679 с. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 N 6 (ред. от 25.10.1996) «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства о земельной реформе» // СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Координационное совещание как основная форма координации правоохранительной деятельности по борьбе с международной преступностью

Амбадыкова Гиляна Артуровна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: *координационное совещание, координационная деятельность прокуратуры*

В современном мире международная преступность оказывает сильнейшее дестабилизирующее воздействие на жизнедеятельность каждого государства, общества и каждой отдельной личности. По этой причине особую актуальность приобретают вопросы выработки эффективных мер для устранения условий и причин, которые способствуют массовому распространению международной преступности, включая такие преступления, которые связаны с незаконным оборотом наркотиков и оружия, международным терроризмом, незаконной миграцией, торговлей людьми. Все указанные общественно опасные деяния в настоящее время приобретают транснациональный характер.

Каждое государство предпринимает различные попытки для того, чтобы помешать распространению международной преступности в своей стране, а также держать под контролем это явление. Для этих целей объединяются усилия всех правоохранительных органов, и осуществляется координационная деятельность. Координационное совещание является одной из форм координации правоохранительной деятельности по борьбе с международной преступностью, однако, несмотря на постоянное проведение таких совещаний, коренного перелома в борьбе с международной преступностью не произошло. Данная проблема особенно актуальна в наши дни, в условиях разрастания международной преступности, которая приобретает новые формы, виды и масштабы. Степень ущерба, причиняемого указанными международными преступлениями, государству, обществу, правам и интересам простых граждан, показывают, что меры по их пресечению, должны быть безотлагательными в совместной деятельности правоохранительных органов. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости принятия мер по совершенствованию организации и проведения координационных совещаний для того, чтобы они стали одной из самых эффективных форм координации правоохранительной деятельности по борьбе с международной преступностью.

В статье 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» отмечается, что Генеральный прокурор Российской Федерации и те прокуроры, которые ему подчинены, координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов [1].

С целью обеспечения координации деятельности органов, указанных в пункте 1 настоящей статьи, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации.

Таким образом, можно заключить, что проведение координационного совещания является одной из организационных форм координации. В состав такого координационного совещания входят прокуроры и руководители соответствующих правоохранительных органов. Если рассмотреть этот вопрос более детально, то необходимо отметить, что в состав таких совещаний входят:

— во-первых, руководители прокуратуры,
— во-вторых, руководители органов внутренних дел и органов ФСБ,
— в-третьих, руководители органов следствия, а также иных правоохранительных органов.

Возглавляют координационные совещания Генеральный прокурор Российской Федерации, а также прокуроры российских субъектов и прокуроры районов и городов по месту создания координационных совещаний. Все указанные лица также и в той или иной степени руководят работой таких совещаний.

Помимо вышеперечисленных участников координационного совещания, на него также могут быть приглашены руководители федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов России и их подразделений, а также представители отечественных СМИ, общественных объединений, педагогических и научных работников, органов военного управления.

Созывает координационное совещание председатель по мере поступления актуального вопроса, а также по мере необходимости. Однако такое совещание должно быть

созвано не реже 1 раза в четыре месяца, либо по инициативе любого члена координационного совещания.

Следует особо выделить председателя координационного совещания, так как именно он наделен особыми полномочиями организационного характера. Председателем координационного совещания является руководитель соответствующего органа прокуратуры, который проводит такие совещания и при необходимости по согласованию с членами совета созывает внеочередные совещания. Председатель координационного совещания направляет всем его членам материалы, необходимые для обсуждения на нем, а также проекты решений. Кроме того, в полномочия председателя входит осуществления контроля за выполнением принятых решений и оказание необходимой практической помощи рабочим группам правоохранительных органов по подготовке материалов для обсуждения на совещании.

Что касается плана работы координационных совещаний, то в них включены самые актуальные проблемы, решение которых предполагает совместные усилия работников всех правоохранительных органов Российской Федерации.

На координационных совещаниях:

— во-первых, обсуждаются итоги согласованной деятельности правоохранительных органов, касающиеся вопросов предупреждения международной преступности за определенный период, а также определяются цели и задачи по усилению борьбы с международными преступлениями;

— во-вторых, рассматриваются проекты планов согласованных мероприятий по борьбе с международной преступностью на конкретный период времени, и происходит их дальнейшее утверждение;

— в-третьих, разрабатываются общие предложения по усилению борьбы с международной преступностью для того, чтобы внести их в программы борьбы с преступностью на местном, региональном и федеральном уровнях:

— в-четвертых, происходит изучение и дальнейшее распространение положительного опыта предупреждения международной преступности в других регионах и странах;

— в-пятых, разрабатываются рекомендации по осуществлению контроля за исполнением согласованных мероприятий;

— в-шестых, решаются различные вопросы о необходимости созыва межведомственных совещаний, а также о сроках проведения таких совещаний и их основных вопросах.

Этот перечень является далеко не полным, поскольку с учетом конкретной ситуации на координационном совещании рассматриваются и многие другие вопросы, которые касаются предупреждения международной преступности.

В качестве основных причин неэффективности проведения координационных совещаний по борьбе с международной преступностью можно выделить:

— во-первых, отсутствие концепции основ политики государства в сфере борьбы с международной преступностью,

— во-вторых, отсутствие эффективной системы взаимодействий всех ветвей государственной власти по предупреждению международных преступлений.

Помимо указанных причин, оказывает влияние также и нечеткость круга участников координационных совещаний, и недостаточность правового регулирования этой сферы. Помимо обозначенных проблем, также стоит отметить, что в настоящее время не имеет однозначного решения и вопрос о необходимости наделения полномочиями прокурора по постановке вопроса перед вышестоящими руководителями правоохранительных органов об ответственности членов координационного совещания за ненадлежащее исполнение обязанностей по выполнению решений координационных совещаний.

Таким образом, в целях совершенствования организации и проведения координационных совещаний для того, чтобы они стали одной из самых эффективных форм координации правоохранительной деятельности по борьбе с международной преступностью, предлагаются следующие пути решения.

Во-первых, выделение из всего многообразия международных преступлений, которые обсуждаются на координационном совещании, тех видов и форм, требующих принятия первоочередных мер со стороны правоохранительных органов. Так, в частности, предлагается решать данную проблему принятием государственных программ, посвященных борьбе с тем или иным видом международных преступлений, а также четкого плана проведения каждого координационного совещания с учетом заданного плана направлений координационной деятельности.

С учетом особенностей современной международной преступности можно назвать следующие направления координационной деятельности, которые должны обсуждаться на координационных совещаниях в первую очередь:

1. Проблема предупреждения международных преступлений;

2. Международный терроризм, торговля людьми, незаконная миграция;

3. Международная организованная преступность и коррупция;

4. Международные преступления в сфере экономики;

5. Наркомания и преступность несовершеннолетних;

6. Профессиональная преступность.

При этом главное направление — предупреждение международных преступлений относится к каждому из указанных видов преступлений.

Эти направления могут быть объединены в группы по видовым и организационным признакам. Представляется логичным выделить следующие группы:

1. Деятельность по предупреждению международных преступлений;

2. Противодействие международному терроризму, бандитизму и особо тяжким преступлениям, организованным

преступным группировкам, преступлениям в сфере экономики, незаконной миграции и торговли людьми;

3. Противодействие наркомании и преступности несовершеннолетних;

4. Противодействие международной организованной и профессиональной преступности.

Необходимо помнить, что при проведении каждого координационного совещания следует иметь в виду, что концептуальные основы предупреждения международной преступности предполагают обязательное выделение наиболее важных приоритетов борьбы с ней.

Во-вторых, проведение межведомственных совещаний с обязательным приглашением работников органов прокуратуры, а также работников суда и оперативных работников внутренних дел, представителей местного самоуправления и вышестоящих правоохранительных органов.

Зачастую, в качестве самостоятельного повода для проведения межведомственного совещания следственных, прокурорских или оперативных работников становится нераскрываемость какого-либо опасного преступления в течение продолжительного промежутка времени. То же самое касается и аналогичных или сходных преступлений по способу совершения. Представляется эффективным приглашать на такие совещания, основной целью проведения которых являются проблемы предупреждения международной преступности общего характера, всех работников органов прокуратуры, а также работников суда и оперативных работников внутренних дел, представителей местного самоуправления и вышестоящих правоохранительных органов. Представляется, что проведение координационных совещаний по такому поводу и последующая разработка мер следственного и оперативного характера дадут положительные результаты.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 07.03.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
2. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 07.12.2016) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 17. — Ст. 1958.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Принесение прокурором официального извинения как форма возмещения морального вреда реабилитированному лицу в уголовном судопроизводстве

Витушкина Евгения Викторовна, магистрант
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Принесение прокурором официального извинения от имени государства реабилитированному лицу является одной из форм возмещения морального вреда последнему. В статье рассматриваются проблемы правовой регламентации данной процедуры, анализируется судебная практика, а также предлагаются пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, реабилитация, возмещение морального вреда, прокуратура Российской Федерации, принесение прокурором официального извинения*

Конституция Российской Федерации в ст. 53 провозглашает право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [1].

В уголовном судопроизводстве данному праву корреспондирует обязанность государства защищать лиц, подвергнутых незаконному и необоснованному обвинению, осуждению, а также в случае ограничения их прав и свобод, что закреплено в п. 2 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) как одно из назначений уголовного судопроизводства [2]. В целях надлежащего обеспечения такой защиты функционирует институт реабилитации, механизму реализации которого посвящена гл. 18 УПК РФ. В данной главе закреплены основания возникновения права на реабилитацию, а также формы и порядок возмещения вреда, причиненного лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию, применению мер процессуального принуждения или осуждению. Однако следует констатировать, что в настоящее время отсутствует четкая регламентация деятельности соответствующих органов по возмещению причиненного вреда в рамках института реабилитации, что, как следствие, влечет массовые нарушения в указанной сфере. Об этом свидетельствует и судебная практика: только за первое полугодие 2017 года судами общей юрисдикции в первой инстанции было прекращено 2481 дело по реабилитирующим основаниям за отсутствием события, состава преступления [3].

В соответствии со ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Рассмотрим некоторые вопросы возмещения морального вреда реабилитированным лицам государством в лице его компетентных органов.

Статья 136 УПК РФ предусматривает две формы возмещения морального вреда: нематериальную и в денежном выражении. К нематериальной форме возмещения морального вреда относится, в том числе, принесение прокурором реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред. При этом необходимо отметить, что указанная норма имеет особую значимость для обеспечения конституционного права граждан на защиту от незаконных действий (бездействия) органов предварительного расследования, прокурора и суда, поскольку данный вид возмещения направлен на защиту нематериальных благ и удовлетворение личных неимущественных прав реабилитированного лица. Представляется, что сущность публичного извинения заключается в опровержении сведений, порочащих честь и достоинство лица, подвергнутого незаконному и необоснованному обвинению, а также в признании государством ошибки, повлекшей причинение нравственных страданий последнему. В этом вопросе особый интерес представляет позиция судов, которая сводится к невозможности замены возмещения вреда рассматриваемой формы денежной составляющей.

Так, истец К. обратился в суд с иском к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда, причиненного злостным неисполнением прокурором обязанности в натуре, возложенной на него ч. 1 ст. 136 УПК РФ и, ссылаясь на ст. 12 Гражданского процессуального кодекса РФ, просил суд признать решение о замене способа компенсации морального вреда со способа исполнения обязанности в натуре на способ компенсации в денежном выражении, эквивалентном по ценности исполнения обязанности в натуре. Суд отказал истцу К., пояснив, что в данном случае замена нематериальной составляющей возмещения морального вреда денежной

компенсацией невозможна, поскольку данный вид возмещения, в отличие от компенсации морального вреда в денежном выражении, направлен на защиту нематериальных благ и удовлетворение личных неимущественных прав реабилитированного лица признанием факта незаконности действий государственного органа от имени государства. И, соответственно, возложение установленной УПК РФ обязанности принести извинение, равно как и замена указанной обязанности на денежную компенсацию, не указано в числе способов защиты гражданских прав, в связи с чем к числу установленных законом мер гражданско-правового урегулирования спора о компенсации морального вреда, не относится. Вместе с тем, истец не лишен иным образом защитить свои нарушенные права при признании бездействия прокурора [4].

Рассмотрим ряд проблем, связанных с механизмом реализации вышеуказанной нормы ч. 1 ст. 136 УПК РФ.

Несмотря на возложение законом обязанности принесения официального извинения реабилитированному именно на прокурора, в теории уголовно-процессуального права и в судебной практике существуют противоречия по данному вопросу, поскольку право на реабилитацию возникает далеко не всегда вследствие ошибки прокурора, но также вследствие упущений органов предварительного расследования и суда.

Так, например, Д. В. Татьянин в своей работе, посвященной вопросам института реабилитации, выразил позицию о том, что при отмене обвинительного приговора и последующего вынесения оправдательного приговора, вступившего в законную силу, извинение реабилитированному лицу должен приносить от имени государства председатель суда, в котором был постановлен первоначально обвинительный приговор [5, с. 13]. Однако, на наш взгляд, более верной представляется позиция Кузнецовой А. Д., которая считает целесообразным применительно к стадии судебного разбирательства возложение этой задачи именно на прокурора, ссылаясь в качестве обоснования на ч. 1 ст. 37 УПК РФ и ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которыми прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование, утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд, выступая при рассмотрении дела в качестве государственного обвинителя [6; 7, с. 104]. Что же касается досудебного производства, по делам, находящимся в производстве следователей, если они прекращены по реабилитирующим основаниям, целесообразно было бы законодательно закрепить положение о том, что публичное извинение должен приносить руководитель следственного органа, поскольку именно он наделен властно-распорядительными полномочиями по отношению к органам предварительного следствия, в то время как прокурор сохраняет такие полномочия лишь по отношению к дознавателям. Следует отметить, что в 2013 году в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона № 268754−6 «О внесении изменений в статью 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому наряду с обязанностью принесения прокурором официальных извинений от имени государства реабилитированному данная обязанность возлагается также на руководителя следственного органа в случае прекращения уголовного дела (уголовного преследования) следователем в ходе досудебного производства по реабилитирующим основаниям, который, однако, до настоящего времени не принят [8].

Далее хотелось бы остановиться на вопросе, какой именно прокурор обязан от имени государства приносить извинение. В связи с отсутствием соответствующей нормы в УПК РФ этот вопрос решается на практике путем интерпретации действующего законодательства, в том числе иных положений Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», что, в свою очередь, негативно сказывается и на правоприменительной, и на судебной практике в связи с множественностью вариантов толкования этих норм в их взаимосвязи.

Впервые Пленум Верховного Суда Российской Федерации выразил свою позицию в постановлении от 29 ноября 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» применительно к тем случаям, когда вопрос о принесении извинения прокурором ставится реабилитированным перед судом [9, абз. 2 п. 19]. В этих случаях суд возлагает исполнение такой обязанности на прокурора соответствующего уровня, о чем указывает в постановлении. При этом остается нерешенным вопрос, какой именно прокурор соответствующего уровня — прокурор, утвердивший обвинительное заключение (обвинительный акт) или государственный обвинитель? Кто и в каком порядке обязывает его принести публичные извинения?

Некоторую ясность в решение рассматриваемой проблемы внесло постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2013 № 328-П12ПР, в котором он указал, что действующее уголовно-процессуальное законодательство предопределяет исключительную компетенцию Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров определять конкретного прокурора, правомочного принести реабилитированному официальное извинение от имени государства [10]. При этом уголовно-процессуальный закон не содержит предписаний о том, что суд при признании за осужденным права на реабилитацию должен одновременно с этим обязать прокурора принести извинения, поскольку такая обязанность возложена на него законом. В то же время при неисполнении данной обязанности его бездействие по смыслу закона может быть обжаловано в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, в целях единообразного толкования уголовно-процессуального законодательства представляется необходимым закрепить в УПК РФ норму, указывающую конкретного прокурора, на которого возлагается обязанность принесения официального извинения реабилитированному лицу от имени государства, либо порядок его определения.

Хотелось бы также обратить внимание, что ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, ни в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», ни в ведомственных нормативных правовых актах Генерального прокурора РФ не содержатся требования к форме и содержанию официального извинения прокурора, а также не урегулирован порядок его принесения, что в результате влечет нарушения прав реабилитированных лиц, гарантированных Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством.

Данная проблема оказалась настолько актуальной, что в связи с многочисленными жалобами в Конституционный Суд Российской Федерации у последнего сформировалась определенная позиция по этому вопросу, неоднократно выраженная в соответствующих решениях. Так, например, в своей жалобе в Конституционный Суд РФ гр. Г. указал, что норма ч. 1 ст. 136 УПК РФ, не предусматривая обязанности прокурора вручить реабилитированному обращенный к нему лично официальный документ, содержащий сведения о том, кто и по какой причине приносит извинение, позволила прокурору принести ему как реабилитированному официальное извинение в такой форме, которая унизила его человеческое достоинство, что привело к нарушению Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 15 (часть 1), 18, 21, 45 (часть 1), 52, 53 и 55. Суд в своем решении счел, что предполагаемое нарушение прав заявителя вызвано отсутствием регламентации формы и содержания такого извинения, порядка его принесения прокурором [11].

Пробелы правового регулирования в данной сфере частично восполнило указание Генерального прокурора РФ от 03.07.2013 № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором содержится упоминание не только о форме, но и о сроке направления извинения реабилитированному лицу [12]. Так, согласно п. 4 данного указания официальное извинение приносится в письменной форме в возможно короткий срок, но не позднее одного месяца со дня вынесения дознавателем либо следователем постановления о прекращении уголовного преследования подозреваемых или обвиняемых по реабилитирующим основаниям, либо вступления в законную силу оправдательного приговора, постановления о прекращении уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и (или) по иным реабилитирующим основаниям, либо принятия решения о полной или частичной отмене обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела в соответствии с п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, либо отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении принудительных мер медицинского характера. Безусловно важным здесь также является акцентирование внимания на моменте возникновения обязанности принесения официального извинения. В судебной практике этот вопрос решается в аналогичном порядке [13].

Однако стоит обратить внимание, что и данный акт не регулирует исчерпывающим образом рассматриваемую деятельность прокурора, и в приведенном выше положении можно выявить ряд недостатков. Так, например, помимо письменной формы возможно предусмотреть в законе субсидиарно устную форму принесения прокурором извинения от имени государства, поскольку на практике вопросы, связанные с реабилитацией, зачастую рассматриваются в ходе судебного заседания. Кроме того, целесообразно было бы закрепить в данном акте требования к содержанию публичного извинения реабилитированному. К числу обязательных, на наш взгляд, следует отнести требования ясности, четкости, официальности — извинение должно быть сформулировано предельно корректно, однозначно, без допущения двусмысленных выражений. Представляется также, что оно должно приноситься не только за причиненный лицу моральный вред, но и за само незаконное или необоснованное уголовное преследование.

Исходя из вышеизложенного, видится необходимость разработки такого указания Генерального прокурора РФ, в котором будут всесторонне раскрыты вопросы организации принесения прокурором официального извинения реабилитированному лицу. Кроме того, с точки зрения реализации прокурором возложенных на него законом и соответствующим ведомственным нормативным актом задач, существенно облегчит деятельность последнего разработка образца официального извинения с его прикреплением к такому акту в качестве приложения.

Подводя итоги, необходимо отметить положительные тенденции в развитии уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации о возмещении морального вреда лицам, незаконно и необоснованно подвергнутым обвинению или осуждению, поскольку создание и законодательное закрепление самого механизма восстановления нарушенных прав реабилитированных является одним из признаков правового государства. Тем не менее, важно обеспечить процессуальные гарантии такой защиты, чему будет способствовать закрепление на законодательном уровне формы, порядка и сроков принесения официального извинения прокурора от имени государства лицам, подвергнутым незаконному и необоснованному обвинению, осуждению, а также принятие ведомственного нормативного правового акта Генерального прокурора Российской Федерации, детально регулирующего соответствующую деятельность прокурора.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11 ФКЗ) // http://www.pravo.gov.ru
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 21.10.2017)
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16.02.2016 по делу N 33–1829/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 21.10.2017)
5. Татьянин Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 265 с.
6. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 29.07.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 26.10.2017)
7. Кузнецова А. Д. Принесение прокурором официального извинения как компенсационная составляющая института реабилитации // Современные тенденции развития науки и технологий, 2016. № 5–5. с. 102–107.
8. Проект Федерального закона N 268754–6 «О внесении изменения в статью 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.04.2013) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 21.10.2017)
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 N 17 (ред. от 02.04.2013) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // «Российская газета», N 273, 05.12.2011
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17.04.2013 N 328-П12ПР // «Бюллетень Верховного Суда РФ», 2013, N 11
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.06.2011 № 758-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усолкина Виктора Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // http://www.ksrf.ru/ru (дата обращения 21.10.2017)
12. Указание Генерального прокурора России от 03.07.2013 N 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 21.10.2017)
13. Постановление Президиума Московского областного суда от 05.08.2015 N 376 по делу N 44у-204/2015 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 21.10.2017)

Проблемы квалификации убийств, сопряженных с другим преступлением

Вострикова Дарья Дмитриевна, магистрант
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Изменения, которые произошли в последние 20–30 лет в России, а речь идет, в первую очередь, об изменениях социальных, политических и экономических, отразились абсолютно на всех областях деятельности человека, оказав большое отрицательное влияние на нормальное формирование и развитие, как справедливо указывает Н. Н. Салева, «личностных характеристик граждан» [1, с. 3]. С учетом культивирования отдельными средствами массовой информации идей насилия, которые фактически не ограничены цензурой, это привело к деградации некоторой части российского населения, сформировав совершенно ложные ценности. По этим причинам особо опасные виды насилия стали сегодня распространенным явлением. Очевидно, что такие опасные уголовные деяния вызывают у всего населения вполне справедливое негодование и, как следствие, беспокойство за безопасность свою и своих семей.

По официальным данным Росстата, за период январь-август 2017 года было зарегистрировано 1378,9 тыс. преступлений, из которых 6,8 тыс. убийств [2]. В 2016 году в России было зарегистрировано преступлений 2160,1 тыс., из них убийств — 10,4 тыс., что составило всего 0,5 % от общего числа преступлений [3].

Соответственно в 2015 году из 2388,5 тыс. зарегистрированных преступлений было зарегистрировано 11,5 тыс. убийств, а в 2014 году из 2190,6 тыс. преступлений было зарегистрировано 11,9 тыс. убийств [4]. Вроде бы цифры на фоне общего количества преступлений и не такие большие, но количество погибших в данном случае — население малого города, которое погибает от рук убийц каждый год.

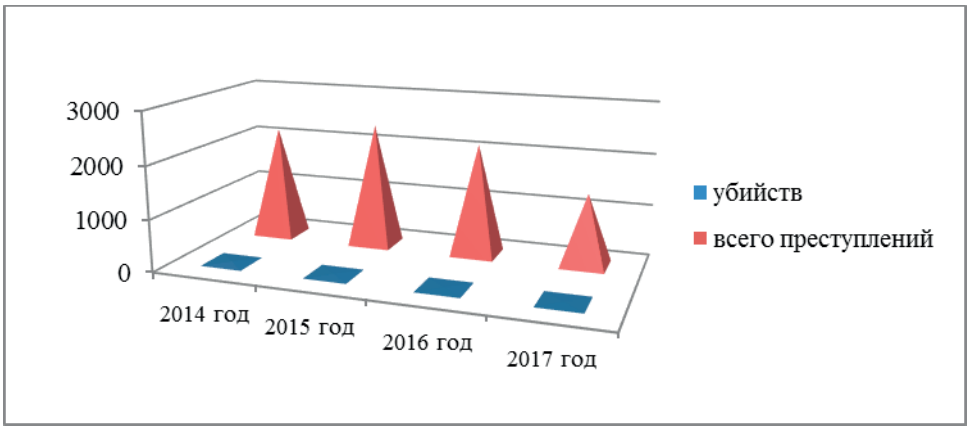

Рис. 1. Соотношение зарегистрированных преступлений и количества зарегистрированных убийств за период 2014–2017 год, тыс.

К убийствам, сопряженным с другими преступлениями относятся убийства с разбоем, вымогательством, бандитизмом, о чем говорится в п. «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [5], с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера — здесь уголовная ответственность определена в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также с похищением человека — это п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В литературе идет многолетний спор о том, как именно нужно квалифицировать данные деяния — по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ или же с учетом совокупности с сопряженным преступлением. Здесь можно выделить две основные точки зрения.

Первая группа исследователей считает, что здесь имеет место составное преступление и, исходя из этого, данные преступные деяния необходимо квалифицировать лишь по конкретному пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ. Аргументирует данная группа авторов свою точку зрения тем, что санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливает наказание, которое отражает повышенную общественную опасность совершенных сопряженных преступлений [6, с. 3; 7, с. 292]. Такая конструкция, как «преступление, сопряженное с преступлением», прежде всего, является характеристикой одного, единого, преступления, ради предотвращения которого и учреждена» [8, с. 51]. При этом авторы полагают, что назначение наказания по совокупности сопряженных преступлений может нарушить принцип, исходя из которого никто не должен отвечать за одно и тоже преступление дважды [9, с. 102].

Вторая группа исследователей считает, что квалифицировать по совокупности в данном случае нельзя, поскольку убийство, которое сопряжено с вышеуказанными преступлениями не будет составным [10, с. 184]. Представляется логичным мнение Ш. Салихова, что «квалифицирующие признаки убийства характеризуют тот или иной элемент состава именно убийства. Одно преступление не может быть квалифицирующим признаком другого. Оно влечет более строгое наказание лишь путем применения нормы о совокупности» [11, с. 23]. Можно заключить, что, по мнению данных авторов, убийство и сопряженные преступления представляют собой совершенно самостоятельные преступления. В свою очередь это подразумевает, что у них есть свой объект, квалифицирующие признаки, а также последствия. Можно заключить, что в данном случае убийство не охватывает тех преступлений, которые были названы выше, а значит, нужна квалификация с учетом совокупности.

Учитывая изложенное, представляется, что здесь не идет речь о простом уравнивании ответственности за простой вид убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) с ответственностью за убийство, которое сопряжено с какими-либо другими преступлениями.

Отметим, что сам термин «сопряженность» в отношении преступлений УК РФ не раскрывает, хотя и упоминает несколько раз.

Учитывая толкование словаря Т. Ф. Ефремовой, «сопряженный» — это «неразрывно связанный с чем-либо, такой, которому непременно сопутствует что-либо другое» [12, с. 598].

Из изложенного, в отношении рассматриваемой взаимосвязи преступлений можно заключить, что сопряженность означает только их связанность, т. е. соединенность убийства с сопряженным преступлением.

Вместе с тем, бывают ситуации, когда правоприменительным органам приходится сталкиваться со случаями, когда в преступном деянии есть признаки двух и более деяний. В некоторых ситуациях это квалифицируется сразу по нескольким статьям УК РФ, в иных случаях

они охватываются только одной нормой УК РФ. И в том и в другом случае, квалификация по совокупности преступлений, если совершено одно преступление или же квалификация сразу нескольких преступлений как одного, но сложного деяния, на практике приводит к тому, что наказание назначается несправедливо. Вместе с тем, ст. 6 УК РФ установила один из основных принципов назначения наказания, а именно, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

П. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее — Постановление Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1) [13] определил, что «при квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку «убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника» следует иметь в виду, что по смыслу закона ответственность по данному пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ наступает не только за умышленное причинение смерти самому похищенному или заложнику, но и за убийство других лиц, совершенное виновным в связи с похищением человека либо захватом заложника. Содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126 или ст. 206 УК РФ».

В свою очередь, п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 указывает, что как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом необходимо квалифицировать убийство в процессе совершения данных преступлений. В этой ситуации Пленум ВС РФ отмечает, что содеянное квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но в совокупности с теми статьями УК РФ, которыми установлена уголовная ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм.

П. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 указывает, что убийство, которое сопряжено с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, необходимо квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но, с учетом обстоятельств дела, также по частям ст. 131 УК РФ или ст. 132 УК РФ.

Здесь возникает целый ряд вопросов.

Первый вопрос связан с тем, что нарушена, как видится, норма ч. 2 ст. 6 УК РФ, исходя из которой «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Вторая проблема заключена в том, что ч. 1 ст. 17 УК РФ определено, что действия тех виновных лиц, которые совершили убийство, сопряженное с похищением человека, разбоем, вымогательством или бандитизмом, изнасилованием, охвачены положениями п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это значит, что дополнительной квалификации по ст. 126, ст. 131, ст. 132 и ст. 162 УК РФ они не требуют. Напомним, что мнение Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 является противоположным.

Третья проблема состоит в том, что положения п. 7, п. 11 и п. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 противоречат ч. 1 ст. 3 УК РФ, т. к. преступность уголовного деяния и его наказуемость могут определяться лишь УК РФ, но не мнением даже высшего суда, т. е. правоприменителя, тем более, что последнее вступает в прямое противоречие с положениями УК РФ.

Так, из 15 лет лишения свободы, которые, например, суд в качестве наказания назначает по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, 10 лет приходится за убийство и 5 лет — за совершенное изнасилование. Исходя из положений Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1, деяния виновного лица дополнительно, т. е. по совокупности, а значит, два раза, наказываются за изнасилование. Очевидно, что виновное лицо, которое совершило убийство, сопряженное с изнасилованием (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), с учетом современной позиции Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 будет осуждено на 20 лет лишения свободы, но не на 15 лет, которые ему фактически положены по закону.

Из сложившейся ситуации существует, как представляется, два выхода, которые позволят более надлежащим образом квалифицировать рассматриваемые составные преступления.

В первом варианте убийство, которое сопряжено с изнасилованием, похищением человека или с разбоем и пр., необходимо квалифицировать лишь по п. «в», п. «з», п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку санкция этого квалифицированного состава уже содержит обстоятельство, согласно которому виновным совершено два преступления, т. е. не только убийство или, например, не только изнасилование.

Во втором варианте можно вообще отказаться от составных преступлений, т. е. квалифицировать деяния виновного в убийстве, которое сопряжено с изнасилованием (похищением человека, разбоем и т. п.), отдельно за убийство и отдельно за сопряженное преступление, например, за разбой.

Вышеизложенная проблема требует своего скорейшего решения. Это значит, что законодателю и Пленуму Верховного Суда Российской Федерации нужно срочно обратить внимание на сложившуюся проблему квалификации рассматриваемых преступлений и все-таки отдать предпочтение в пользу отказа от квалифицированных составов убийств с сопряженными тяжкими преступлениями.

Литература:

1. Салева, Н. Н. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: монография / Н. Н. Салева, В. Н. Баландюк. — Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2007. — 119 с.

2. Правонарушения в январе-августе 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. М. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#.
3. Число зарегистрированных преступлений по видам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. М. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#.
4. Там же.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ]: [ред. от 29 июля 2017 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Салева, Н. Н. Указ. соч. — С. 3.
7. Зинченко, И. А. Единые (единичные) преступления / И. А. Зинченко // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 3: Понятие преступления. — СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. — С. 276–439.
8. Ораздурдыев, А. М. Проблема двойной противоправности составного преступления и его социальная сущность / А. М. Ораздурдыев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. Вып. 2 (76). — С. 45–57.
9. Попов, А. Н. Преступления против жизни с отягчающими обстоятельствами, относящимися к субъективным признакам содеянного (пп. «з» — «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ) / А. Н. Попов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юрид. инст. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2003. — 192 с.
10. Попов, А. Н. Указ. соч. — С. 184.
11. Салихов, Ш. Убийство, сопряженное с разбоем: одно преступление или совокупность? / Ш. Салихов // Законность. — 2005. — № 2. — С. 23–25.
12. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3. Р-Я / Т. Ф. Ефремова. — М.: Астрель, 2006. — 976 с.
13. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): [постан. Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1]: [ред. от 03 марта 2015 г.] // Российская газета. — 1999. — № 24.

Совокупность преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1 УК РФ

Горячкин Николай Сергеевич, студент
Тюменский государственный университет

Несмотря на огромные усилия, которые предпринимают правоохранительные органы нашей страны, проблема незаконного оборота наркотиков продолжает оставаться одной из наиболее чувствительных областей в развитии общества на сегодняшний день. В статье рассматриваются отдельные вопросы по квалификации совокупности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, составы, содержащиеся в статьях 228 и 228.1 УК РФ, делаются предложения по решению обозначенных проблем. Теоретические рассуждения подкрепляются материалами судебной практики, а также опираются на систему нормативно-правового регулирования по данному вопросу.

***Ключевые слова**: наркотические средства, наркотики, незаконный оборот, ст. 228 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ, проблемы квалификации, совокупность преступлений*

Хотелось бы отметить, что для составов преступлений, которые связаны с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами, растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, либо их частями, содержащими наркотические средства (далее — наркотические средства) весьма типичной является конструкция, в которой объективная сторона представлена путем перечисления альтернативных действий, которые влекут уголовную ответственность. В этом отношении, наиболее характерны составы преступлений, которые предусмотрены статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса РФ [1] (далее — УК РФ). В данном случае, применение уголовного закона вызывает затруднения в практической деятельности, именно поэтому целесообразным является рассмотрение особенностей их квалификации.

Совокупность преступлений — это достаточно распространенное явление в практической деятельности. В процессе квалификации содеянного, необходимо установить наличие ее юридических признаков, а также отграничить от других форм множественности преступлений и сложных единичных преступлений. Согласно ст. 17 УК РФ, совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. В качестве исключения отмечаются случаи, когда совершение двух или более преступлений

предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Следовательно, так как объективная сторона преступления состоит из нескольких видов действий, то, во-первых, получается, что совершение любого из этих действий образует оконченное преступление. И, во-вторых, при последовательном совершении нескольких действий, которые изначально охватываются одним умыслом и совершаются в отношении одного и то же предмета преступления, объективная сторона одного преступления образуется совокупностью совершенных деяний (имеет место сложное единичное преступление). А квалификация по совокупности исключается. В том случае, если незаконные действия совершаются в отношении разных предметов преступления, и, в каждом конкретном случае по вновь возникшему умыслу, то это говорит о реальной совокупности преступлений.

Важно отметить, что проблема квалификации содеянного наблюдается в случаях приобретения, по самостоятельно возникшему умыслу, наркотических средств, либо их частей в разное время, но одновременно изъятых из незаконного хранения. В том случае, если обстоятельства приобретения не установлены, или же установлены, но только в отношении одного из приобретенных наркотиков, то одновременное хранение нескольких наркотических средств не образует совокупности преступлений.

Согласно п. Постановления Пленума ВСРФ от 15.06.2014 № 14 (далее — ППВС № 14), под незаконным хранением без цели сбыта наркотических средств следует понимать действия лица, связанные с незаконным владением этими средствами или веществами, в том числе для личного потребления (содержание при себе, в помещении, тайнике и других местах). При этом не имеет значения, в течение какого времени лицо незаконно хранило наркотическое средство [2]. При одновременном хранении разного вида наркотиков, в том случае, если юридически значимые размеры не совпадают, то данное деяние должно квалифицироваться как единое преступление. В том случае, если доказаны факты неоднократного незаконного приобретения наркотиков, которые в дальнейшем незаконно хранятся, то такое деяние будет квалифицироваться по совокупности преступлений.

Хотелось бы привести пример. Приговором от 27.10.2015 г. по уголовному делу № 1–143 [6], М. был признан виновным в незаконном приобретении, хранении и перевозке 9,5 г марихуаны. В приговоре суда, перевозка была определена посредством указания на факт наличия при М. наркотика, когда М. передвигался по городу. С формальной точки зрения суд поступил правильно, использовав разъяснение п. 8 ППВС № 14, но, после таких приговоров, на наш взгляд, стоит задуматься о необходимости вообще отдельного выделения такого действия как «перевозка». Само собой разумеется, что лицо, которое приобретает наркотик, может совершить с ним следующие действия: употребить, хранить, сбыть, утратить (выбросить, потерять, утилизировать и др.). Если лицо намеревается употребить наркотик, то, логично предположить, что это лицо будет его хранить, то есть согласно п. 7 ППВС № 14, совершать действия, связанные с его незаконным «владением». В указанное «владение» будет входить и перевозка этого наркотика, потому что лицо, после приобретения, будет перемещаться по городу, например, до своего дома и др. На наш взгляд, нерационально говорить о необходимости выделения перевозки как общественно-опасного деяния. Не могу не согласиться с В. М. Гармановым в том, что подобные действия следует расценивать, как «приобретение и хранение наркотических средств при себе во время поездки» [7]. Это же относится к случаям «фактического перемещения наркотика, в том числе и в крупном размере, который, фактически является небольшим количеством для данного наркопотребителя, с учетом длительности потребления и т. п.» [7].

Конечно, когда лицо незаконно перевозит наркотик для его сбыта (транспортирует его к месту возмездной или безвозмездной передачи) — это другая ситуация. Но, и в этой ситуации, действие по перевозке будет квалифицироваться, согласно п. 13 ППВС № 14, по ч. 3 ст. 30 ч.1 ст. 228.1 УК РФ.

Необходимо также затронуть вопрос, касающийся переработки незаконно приобретенного наркотического средства. В такой ситуации из оборота могут быть изъяты и исходное наркотическое средство, а также и полученное в результате переработки. В данном случае, совокупность преступлений исключается, несмотря на то, что изымаются из оборота два различных наркотика, так как умысел на переработку возник либо до приобретения исходного наркотика, либо же в процессе его хранения. То есть имеет место перерастание умысла на совершение другого действия в рамках объективной стороны одного преступления. И, во-вторых, потому что ч. 1 ст. 228 УК РФ устанавливает ответственность за хранение наркотических средств не от наличия разных видов наркотиков, а в зависимости от их размера. Что касается определения значительного, крупного или особо крупного размера наркотических средств, то согласно п. 4 ППВС № 14, следует исходить из размеров, которые установлены Постановлением Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (далее — ПП РФ № 1002) [3].

В частности, Президиум Приморского краевого суда не согласился с квалификацией по совокупности преступлений действий Г., который был осужден за незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства каннабиса (марихуаны) весом 187, 77 г, совершенные в особо крупном размере, и за незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства масла каннабиса (гашишного масла) весом в 0,76 г в крупном размере. Согласно установленным по делу фактическим обстоятельствам, Г. без цели последующего сбыта собрал верхушечные части дикорастущей конопли и перенес собранное к дому, где спрятал в тайнике. Часть собранной конопли он использовал для получения способом рафинирования гашишного масла. Оставшуюся

часть конопли (марихуану) весом 187,77 г, что является особо крупным размером, и гашишное масло весом 0,76 г, что образует крупный размер (согласно ПП РФ № 1002), Г. хранил по месту жительства до момента изъятия. Как указано в постановлении, диспозиция ч. 1 и 2 ст. 228 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за совершение нескольких альтернативных видов действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе за незаконные приобретение, хранение, переработку без цели сбыта наркотических средств, независимо от вида этих средств. Размер наркотических средств определяется по наибольшему их количеству [5].

Важно отметить, что объективную сторону состава ст. 228.1 УК РФ образуют несколько видов незаконных действий: производство, сбыт и пересылка наркотических средств. Получается, что оснований предполагать, что касательно ст. 228.1 УК РФ действуют другие правила квалификации — нет. Но, тем не менее, в Обзоре судебной практики Верховного суда РФ обозначено, что «в отличие незаконного изготовления незаконное производство с последующим сбытом наркотического средства образуют совокупность преступлений» [4]. На наш взгляд, это достаточно неудачная формулировка по отграничению производства и изготовления наркотических средств. Одновременно с этим, не квалифицируются по совокупности преступлений незаконные производство и пересылка полученных наркотических средств.

Достаточно дискуссионным является вопрос о квалификации состава преступления, когда одно и тоже лицо является не только исполнителем, но и подстрекателем, организатором или пособником другого действия. При рассмотрении проблемы множественности преступлений, можно прийти выводу о необходимости квалификации по совокупности, в том случае, если лицо — исполнитель одного преступления и подстрекатель, пособник или организатор — при совершении другого преступления. На наш взгляд, данное правило представляется бесспорным, в том случае, если речь идет о преступлениях, где объективная сторона представлена одни действием или бездействием. Если же говорить об альтернативных видах действий, то нельзя не согласиться с В. Ф. Щепельковым, который считает, что в том случае, «если оба деяния можно охватить одной статьей, то вменение совокупности необходимо исключить» [8]. По мнению В. Ф. Щепелькова, вопрос заключается только в том «необходимо ли делать ссылку на ст. 33 УК РФ или это не требуется?» [8]. С этим трудно не согласиться, так как качественным признаком множественности преступлений является совершение общественно-опасных деяний, которые содержат признаки самостоятельных составов вне зависимости от стадии преступления и роли виновного. В случае же совершения деяний, которые образуют объективную сторону одного преступления — качественный признак множественности отсутствует. В данном случае, оба действия совершаются в рамках одного состава. Следовательно, в случае признания в данной ситуации множественности преступлений, это противоречило бы ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой дважды за одно и то же преступление никто не может нести уголовную ответственность.

Таким образом, на мой взгляд, предложенные рекомендации по усовершенствованию составов, предусмотренных статьями 228 и 228.1 УК РФ, позволят на практике единообразно применять уголовный закон, так как правильная квалификация преступлений, которые образуют совокупность, а также разграничение совокупности преступлений и сложных единых преступлений имеет важное практическое значение. Ведь в случае ошибок в квалификации возможно либо необоснованно строгое, либо необоснованно мягкое наказание, которое не будет соответствовать степени опасности личности преступника.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ в ред. 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу 26.08.2017 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата общения 18.09.2017).
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в ред. 16.05.2017 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 18.09.2017).
3. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ» в ред. 29.07.2017 г. // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 18.09.2017).
4. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом ВС РФ 27.06.2012 г. // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 18.09.2017).
5. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 28.06.2013 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 18.09.2017).
6. Приговор по уголовному делу № 1–143 (2015) от 27.10.2015 г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://sudact.ru/regular-/doc/1gUwpyqfvLox (дата обращения 18.09.2017).

7. Гарманов В. М. Вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ: методические рекомендации. — Тюмень, 2012. — 71 с.
8. Щепельков В. Квалификация преступлений с альтернативными составами // Российская юстиция. — 2001. — № 10. — С. 40–46.

Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе

Морева Екатерина Юрьевна, студент
Всероссийский государственный университет юстиции (г. Москва)

В настоящее время существует необходимость в совершенствовании теоретических положений принципа защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве, а также в разработке действующего механизма реализации данного принципа.

Российская Федерация не только признает основные права и свободы человека, но и возводит их защиту в одну из основных задач уголовного судопроизводства и важнейшею его функцию, реализация которых осуществляется органами предварительного расследования, и взаимодействующими с ними иными правоохранительными органами [1, с.90].

Процессуально-правовые гарантии — это содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права.

Государственным органам (должностным лицам) правовые гарантии обеспечивают возможность выполнять свои обязанности и использовать свои права для достижения задач уголовного судопроизводства, а гражданам — реально использовать предоставленные им процессуальные средства для защиты и охраны прав и законных интересов. Права, предоставленные органу государства (должностному лицу) в уголовном процессе, гарантированы обязанностью соответствующих лиц выполнять обращенные к ним требования и установленными законом санкциями за невыполнение этих обязанностей.

Поскольку одной из сторон процессуально-правового отношения всегда является государственный орган или должностное лицо, наделенное властными полномочиями, особое значение в уголовном процессе приобретают процессуальные гарантии личности, охрана ее законных прав и интересов, обеспечение права на судебную защиту. Реальное обеспечение права личности, в первую очередь обвиняемого, является критерием оценки демократизма, гуманизма уголовного процесса.

Основу гарантий прав личности в сфере уголовного процесса составляют закрепленные и обеспечиваемые Конституцией права и свободы человека и гражданина.

Эти основополагающие нормы конкретизируются в уголовно-процессуальном законе применительно к стадиям процесса и правам, предоставленным участникам и иным субъектам уголовного процесса.

Подозреваемый, обвиняемый (подсудимый, осужденный) могут защищать свои права как лично, так и с помощью защитника, представителей. Законом гарантированы права потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и иных участников процесса (свидетелей, экспертов, специалистов, понятых, переводчиков и др.). [3, с.112].

Системой гарантий охватывается весь комплекс средств обеспечения прав человека в ходе уголовного судопроизводства. Гарантией права является соблюдение иным лицом обязанности, обеспечивающей условия реализации данного ему права. Гарантии прав и законных интересов человека в уголовном процессе служат средством обеспечения возможности фактического использования предоставленных ему прав. В механизме обеспечения прав человека необходимо содержательно различать права и гарантии их надлежащего обеспечения, в том числе реализацию со стороны участников уголовного судопроизводства (например, вручения текста с процессуальными правами подозреваемого при задержании заподозренного лица) и защиты в случаях правонарушений.

В уголовном процессе все субъекты наделены процессуальными правами, основы которых предусмотрены в международных актах, Конституции РФ, уголовно-процессуальном законе. Гарантии прав и свобод человека рассматриваются как совокупность специальных правовых средств и способов, при помощи которых реализуются, защищаются права и свободы, пресекаются их нарушения, восстанавливаются нарушенные права. К гарантиям реализации прав и свобод человека относят и закрепленные правовыми нормами пределы их осуществления, способы конкретизации; юридические факты, связанные с их обеспечением; процессуальные формы осуществления прав и свобод; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной их реализации. В соответствии с естественно-правовой теорией государство не создает, а признает

уже существующие права, имеющие источником природу самого человека [2, с.88].

Среди уголовно-процессуальных гарантий особое место принадлежит конституционным положениям, выступающим в уголовном процессе в качестве его принципов, основных начал уголовного судопроизводства (главы 2, 7 Конституции РФ). Они являются базовыми в механизме обеспечения прав человека. Ссылки на неотъемлемые (неотчуждаемые) права человека содержатся в конституционных текстах Италии, Испании, Франции, ФРГ и ряде других стран. Однако, даже признавая надпозитивную природу некоторых прав человека, следует заметить, что позитивное закрепление Конституцией РФ основных прав является необходимой предпосылкой их защиты государством. Конечно, список прав, закрепленных конституцией, может носить открытый характер [6, с.128].

В рамках уголовного процесса все процессуальные гарантии в совокупности обеспечивают достижение задач, указанных в ст. 6 УПК РФ. Процессуальные гарантии при всем своеобразии объединены общим назначением, механизмы их действий также взаимосвязаны, нарушение одной нормы прав неизбежно порождает последующую цепь нарушений. Механизм действий правовых гарантий прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, является системой процессуальных норм и участников уголовного судопроизводства, реализующих эти нормы в определенном порядке. Назначение системы гарантий прав и законных интересов человека выражается в том, что в уголовном судопроизводстве они, во-первых, выступают средством, позволяющим свести до минимума судебные ошибки в отношении указанных участников уголовного судопроизводства, тем самым реализовать требования ст. 6 УПК РФ. Во-вторых, это средство обеспечения возможности фактического использования предоставленных им прав и придания им реального характера. Эффективность всей системы обеспечения прав определяется следующими критериями: наличием у каждого процессуального права соответствующей процессуальной гарантии; соответствием между общими и специальными гарантиями; наличием у каждого права, которое может быть ограничено не одной, а несколькими специальными процессуальными гарантиями. К общим гарантиям относятся обладающие универсальным содержанием и способностью обеспечивать необходимую защиту различным по характеру правам подозреваемого и обвиняемого; общие условия и специальные средства, обеспечивающие экономические, социальные, политические и духовные основы существования общества. Специальными гарантиями выступают процессуальные средства обеспечения, которые предназначены для защиты отдельных прав подозреваемого, обвиняемого, юридические средства непосредственного обеспечения реализации и охраны прав [5, с. 122].

Важную роль в обеспечении законности и обоснованности уголовного судопроизводства играют процессуальные гарантии, т. е. установленные процессуальным законом средства, создающие условия для выполнения задач уголовного судопроизводства, справедливого правосудия. Процессуальные гарантии — это собственно субъективные права; это процессуальные средства, которые охраняют, обеспечивают права и законные интересы участников уголовного процесса; «установленные нормами уголовно-процессуального закона различные по своему конкретному содержанию средства, в совокупности своей обеспечивающие участвующим в деле лицам возможность реализовывать предоставленные им права». Э. Ф. Куцова понимает под гарантиями прав личности в уголовном процессе конкретные права и обязанности участников уголовно- процессуальных отношений. По мнению А. Л. Цыпкина, к процессуальным гарантиям следует относить также и правовые нормы. Другие авторы рассматривают гарантии как установленные нормами уголовно-процессуального закона различные по своему содержанию средства, в совокупности своей призванные обеспечить участникам процесса возможность реализовать предоставленные им права. К указанному возможно добавить, что под правовыми гарантиями следует понимать и определенные способы реализации прав и свобод участниками тех или иных правоотношений [4, с.133].

Процессуально-правовые гарантии — это содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права. Обоснованным представляется мнение о том, процессуальные гарантии имеют комплексное содержание, это и «процессуальная форма (основания, порядок, условия) их реализации и выполнение», и самостоятельное средство обеспечения прав и законных интересов субъектов уголовного судопроизводства (граждан и юридических и лиц), и «возможность наступления для нарушителей уголовно- процессуального закона (должностных лиц) определенных видов ответственности и применения санкций соответствующей отрасли права». Необходимо различать процессуальные гарантии правосудия и гарантии прав и свобод личности. Процессуальными гарантиями прав человека выступают те процессуальные нормы, которые закрепляют субъективные права участников уголовного судопроизводства, корреспондирующие им процессуальные права — обязанности должностных лиц, органов, ведущих судопроизводство, их процессуальную деятельность и процессуальную деятельность защитника, в ходе осуществления которой они получают свою реализацию. В системе процессуальных гарантий выделяются гарантии субъективных прав личности и гарантии публичного интереса, направленные на обеспечение правопорядка. Эти гарантии тесно взаимодействуют, однако их отождествление не допустимо, ибо ведет к размыванию целей уголовного судопроизводства. Она одновременно ограждает его личность от произвола органов расследования, так как именно гарантии устанавливают границы и правовые условия возможных действий должностных лиц.

К личностным процессуальным гарантиям, например, подозреваемого и обвиняемого относятся предусмотренные законом специальные правила, сформулированные в виде отдельных самостоятельных положений, элементов принципов или порядка (формы), либо в виде прав и обязанностей самого подозреваемого и обвиняемого, их представителей, защитника, прав и обязанностей должностных лиц и органов, своим существом направленные, в первую очередь, на обеспечение осуществления и охраны прав, их законных интересов и обязанностей [6, с.98].

Таковыми, например, являются: правило о недопустимости задержания лица, подозреваемого в совершении преступления без оснований и условий, указанных в ст. 91 УПК РФ; применение меры пресечения — заключение под стражу без оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ). Эти процессуальные правила служат непосредственной гарантией права неприкосновенности лица, являясь особенностью процессуальной формы, предусматривающей производство специальной отметки в протоколе задержания о разъяснении принадлежащих ему процессуальных прав, объявлении существа подозрения и оснований задержания, а также указании в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу оснований ее избрания. Гарантии прав подозреваемого (обвиняемого) должны рассматриваться в их соотношении с правами и законными интересами других субъектов уголовного процесса (потерпевшего, свидетелей и др.), находящихся в конфликтных отношениях с подозреваемым (обвиняемым). Таким образом, процессуальные гарантии в сфере уголовного судопроизводства — это установленные законом средства и способы, обеспечивающие достижение задач уголовного судопроизводства и возможность реализации всеми субъектами уголовного процесса своих прав и выполнения обязанностей [5, с.122].

Изучение проблемы правового регулирования защиты прав и свобод участников уголовного процесса еще в советский период наглядно свидетельствует, что правосудие по уголовным делам осуществлялось с учетом «юридического приоритета общественных отношений» через механизм ограничения прав и свобод личности.

Процессуальными гарантиями прав личности являются те средства, которые обеспечивают фактическую реализацию этих прав. Например, право обвиняемого иметь защитника гарантируется разъяснением ему этого права, предоставлением права избрать защитника, предоставлением ему, в указанных законом случаях, бесплатно помощи защитника и др. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве существенно усилены тем, что решение о задержании подозреваемого свыше 48 часов, избрание меры пресечения содержания под стражей возможны только по решению суда. Суд дает разрешение на производство 11 следственных действий, в суд могут быть обжалованы действия и решения следователя, дознавателя, прокурора.

Обязанность по обеспечению прав граждан — участников процесса возложена на лиц, ведущих судопроизводство (следователь, прокурор, суд и др.). Они обязаны разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав, принимать меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и не перелагать обязанность доказывания на обвиняемого; выносить законные, обоснованные и мотивированные решения; отменять решения, нарушающие права граждан, и восстанавливать нарушенную законность, обеспечить реализацию прав потерпевших от преступления.

Право на защиту человека можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, по своему содержанию — это право общего характера, состоящее из совокупности процессуальных прав, предоставленных законом участнику уголовного судопроизводства; во-вторых, по своему предмету (цели) рассматриваемое право направлено не только на опровержение подозрения, обвинения, но также и на защиту других законных интересов, в том числе на защиту от незаконного и необоснованного применения мер процессуального принуждения; в-третьих, по способам осуществления данное право реализуется как самим подозреваемым, обвиняемым, так и их защитниками и законными представителями; в-четвертых, по его обеспечению (гарантиям) оно предполагает обязанность органов, осуществляющих уголовное преследование, реализовать возможность защиты [3, с.145].

Литература:

1. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. — М.: Юрайт-Издат, 2014. — 348 с.
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Гриненко. — М.: Норма, 2015. — 248 с.
3. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. Издание 6-е, перераб. и доп. — М.: Зерцало, 2013. — 238 с.
4. Уголовный процесс: учебник для юридических высших учебных заведений / под общ. ред. В.И. Радченко. — М.: Юстицинформ, 2014. — 210 с.
5. Уголовный процесс. учебник / под ред. Якупова Р.Х. — М., 2015. — 278 с.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. — М.: Юристъ, 2014. — 256 с.

К вопросу квалификации доведения до самоубийства

Танасейчук Яна Валерьевна, студент
Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

В представленной научной статье освещается проблематика квалификации самоубийства на примере «групп смерти», которые широко распространили свое негативное влияние не только на территории Российской Федерации, но и — зарубежных странах.

Ключевые слова: *самоубийство, несовершеннолетние, «группы смерти», синий кит*

В Российской Федерации в статье 2 Конституции РФ закрепляется обязанность соблюдать и защищать права и свободы человека. Сам же человек, его права и свободы признается высшей ценностью.

Право на жизнь — важнейшее благо и ценность любого человека. В системе естественных прав, право на жизнь занимает центральное место. Его реализация носит непосредственный характер. Никто не может быть лишен данного права. Оно закрепляется не только в национальных нормативных правовых актах, но и в международных конвенция, договорах, что, безусловно, говорит о значимости данного права.

Формирование национальных правозащитных механизмов отстает от развивающихся и постоянно усложняющихся общественных отношений. В этой связи нормативно-правовое обеспечение с опозданием реагирует на новые тревожные посягательства на права человека.

Так, в настоящее время наметилась угрожающая тенденция роста уровня детской и подростковой суицидальности. Как отмечает крупнейшая в СНГ частная диверсифицированная информационная группа «Интерфакс», «с 2011 по 2015 год количество самоубийств в стране стабильно снижалось на 10 % в год. Но в 2016 году наблюдается рост на 57 %» [1]. Такую статистику озвучила уполномоченный по правам ребенка в РФ Анна Кузнецова. Одной из причин роста является лавинообразное распространение «групп смерти» в социальных сетях.

С учетом уровня общественной опасности, сложившейся системы общественных отношений и специфики ментально-культурного характера, сформирован комплекс уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств реагирования на деяния, направленные на формирование суицидального поведения населения особенно среди подрастающего поколения. Между тем, по-нашему мнению, действующая система мер реагирования на исследуемую проблему оставляет желать лучшего.

В статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплены положения, согласно которым «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». [2]

Приведенная формулировка в качестве обязательного элемента состава преступления предусматривает способ совершения преступления, регламентируя при этом исчерпывающий перечень возможных способов доведения до самоубийства — угроза, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

Следует отметить, что в связи с развитием общества появились и другие, помимо указанных, способы, с помощью которых человека можно довести до самоубийства, в частности, к ним относится и Всемирная сеть «Интернет».

Данная позиция нашла поддержку среди отечественных ученых. В частности, Ю. А. Уколова и говорит о том, что «такие способы доведения до самоубийства, которые указаны в УК РФ, не являются исчерпывающими, т. к. могут наполняться различным содержанием и смыслом». [3]

В Интернете, несмотря на осуществляемый контроль, появляются группы и сайты, которые описывают, какими способами лучше совершить самоубийства. Согласно проведенному мониторингу, участникам групп предлагались такие варианты: прыгнуть с крыши (19 % — проголосовавших из 2500 участников группы); принять таблетки (29 %); застрелиться (16 %); вскрыть вены (17 %). [4, с.4]

В выпуске «Новой газеты» от 16 мая 2016 года Галина Мурсалиева утверждает, что некоторые сообщества в социальной сети «ВКонтакте» доводят детей до самоубийства. Например, в десятках случаев школьники повторяли ритуал самоубийства, описанный в данных группах. Иногда же ребенку звонили или отправляли сообщение, и он шел домой или в иное место и совершал самоубийство» [4, с. 3].

Одним из самых популярных движений, которые распространяют «моду» на самоубийства, является «Синий кит».

Согласно данным широкоизвестной интерактивной энциклопедии, «Синий кит» — это сообщество, которое доводит до самоубийства детей в возрасте с 13 до 16 лет, путем «игры». В «игре» 50 уровней, на последнем ребёнку приказывают совершить самоубийство. Примечательно, что своё влияние данное движения распространило не только на территорию Российской Федерации, но и на отдельные европейские государства (Эстония, Латвия, Литва и др.).

Одним из ярких примеров деятельности «Синих китов» является известный случай с Риной Паленковой. «В 2015 году шестнадцатилетняя Рина Паленкова из Уссурийска размещает на своей странице в «ВКонтакте» сэлфи рядом с железной дорогой. Подпись под фотографией немногословна: «Ня.Пока». Далее девушка ложится на рельсы и проезжающий поезд аккуратно отрезает ей голову. Инцидент получил широкую огласку, во многом

благодаря случайно попавшим в сеть фотографиям обезглавленного тела. Рина быстро превратилась в интернет-мем, и даже стала темой черного юмора.

На фоне посмертной славы девушки, начинают раскручиваться группы смерти (в частности f57) которые рассказывают, что Рина перед смертью якобы посмотрела видео, которое и стало причиной смерти девушки.

Они, разумеется, тоже обладали этим видео и готовы были поделиться, если желающие согласятся пройти несколько заданий» [5].

«В Красноярске Главное управление Следственного комитета Российской Федерации возбудило уголовное дело о попытке доведения до самоубийства через «группы смерти» в социальной сети.

Юле Ч. 13 лет. Она учится в седьмом классе самой обычной школы. Одноклассники заметили, что девочка странно себе ведет, а на руке у нее появились раны и рассказали учителю. Спохватились вовремя: школьница действительно вступила в «игру» и даже выполнила первое задание. Когда взрослые стали изучать социальную сеть, выяснилось, что в эту же группу вступили еще 33 ребенка этой же учебного заведения. И это в одной небольшой школе в одном городе страны...» [6].

Другим примером может служить случай, произошедший в Латвии. Молодой человек и девушка решили покончить жизнь самоубийством, спрыгнув с крыши здания «Радиотехники». Однако дети остались живы. После того, как их спасли, молодой человек сообщил, что дошел до 50 уровня игры. Также была изъята переписка, которую вели как молодой человек, так и девушка.

Переписка велась с «кураторами», которые выходили на связь с детьми и давали задания. Один из таких «кураторов» — Филипп Будейкин, 21-летний гражданин РФ, по прозвищу Лис, который был задержан в Московской области в ноябре 2016 года. В одном из интервью до ареста он сказал, что для него это было игрой, он хотел большое количество подписчиков в социальной сети. Трудно поверить в это, но ради популярности в Интернете Филипп организовывал подростков и подталкивал их к суициду, создав целую сеть «групп смерти». Перед арестом он говорил: «Кажется, мне удалось обойти содержание статей, и я не боюсь, что меня посадят. Если так взглянуть на ситуацию сверху, а что я такого делал? Некоторым людям аргументированно объяснял, почему я думаю, что им лучше умереть, чем жить. Они сами принимали решение, их никто не заставлял. Филипп был заключен под стражу. Судом Санкт-Петербурга, арест продлили до 15 мая 2017 года» [7].

За последний год практика регионов также, как и по стране в целом, демонстрирует шокирующие показатели — скачкообразный рост показателей. Так, «в 2016 году в Томске только официально было зафиксировано 39 попыток суицида среди детей и подростков, что на 62,5 % больше, чем в 2015 году, когда стало известно о 24 подобных случаях» [8].

Примером деятельности «групп-смерти» может послужить случай, произошедший 15 марта 2017 года. «В Томске 12-летний школьник выпрыгнул из окна пятого этажа жилого дома, сообщили НИА Томск в пресс-службе СУ СК РФ по Томской области... Вечером 14 марта 12-летний ученик 6-го класса школы № 43 города Томска выпрыгнул из окна квартиры, расположенной на пятом этаже многоэтажного жилого дома, в котором он проживает с родственниками. Несовершеннолетний доставлен в больницу с тяжелыми травмами. ... По предварительным данным ребёнок был связан с одним из Интернет-сообществ, занимающихся популяризацией суицида. Педагоги призывают родителей больше общаться со своими детьми и взять под жесткий контроль все Интернет-сайты, которые они просматривают» [9].

Статистика приговоров по статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации показывает, что за 2016 года число осужденных по России составило 1 740 человек, что больше на 14 % по сравнению с 2015 годом, где число осужденных составило 1502 человека. Самое большое число рассмотренных дел приходится на районный суд — 1730 дел. Безусловно, пропаганда суицида несет в себе общественную опасность и негативные последствия.

Для решения проблемы повышение процента детской и подростковой смертности, думается, необходимо совершенствовать законодательство, регламентирующее основание возникновения уголовной ответственности за доведение до самоубийства особенно в отношении несовершеннолетних.

В комментарии к статье 110 УК РФ говорится, что в УК РФ нет специальной нормы, предусматривающей ответственность за подговор к самоубийству малолетнего или лица, заведомо не способного понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками. Такие действия должны расцениваться как умышленное убийство и квалифицироваться в зависимости от обстоятельств по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК.

Рассматривая опыт зарубежный стран можно увидеть несколько принципиально разных, но по-своему эффективных, механизмов регламентации составов доведения (склонения) до самоубийства в законодательстве иностранных государств.

В частности, УК Австрии предусматривается ответственность за «склонение к самоубийству и оказание помощи потерпевшему в этом» [10].

УК Швейцарии (ст. 155) указывает, что те «... кто из корыстных мотивов склоняет кого-либо к самоубийству или оказывает ему в этом помощь, если совершается самоубийство или покушение на него, то наказанием является каторжная тюрьма сроком до 5 лет или тюремное заключение» [11].

В УК Франции, криминализируется подстрекательство к самоубийству и помощь в его совершении. Однако здесь законодатель внес особенность, зафиксировав ответственность за пропаганду или рекламирование каким-либо

способом, товаров, предметов или методов в качестве средств причинения себе смерти. [12]

Как видно, зарубежные страны не устанавливают конкретные способы, с помощью которых можно доводить до самоубийства, что отличает УК РФ от УК зарубежных стран. Это позволяет не ограничивать предмет доказывания конкретными способами, прямо предусмотренными уголовным законодательством. Помимо этого следует отметить, что практически во всех перечисленных приведенных примерах европейского уголовного законодательства, к ответственности привлекаются лица, которые подстрекают лицо к совершению самоубийства.

Между тем, отечественное уголовно-процессуальное законодательство в предмет доказывания включает, какими способами лицо было доведено до самоубийства, что, несомненно, влияет на качество борьбы с исследуемым общественно-опасным деянием.

Другой новеллой, содержащейся в УК Франции, является привлечение к ответственности за пропаганду и рекламирование предметов, способов, методов, с помощью которых человек может причинить себе смерть.

Таким образом, проблема квалификации заключается в том, что законодатель дает, в статье 110 Уголовного кодекса РФ, исчерпывающий перечень способов, тогда как с развитием общества появляются новые способы доведения до самоубийства. Данный тезис говорит об отсталости существующего уголовного законодательства от реальной действительности, что влияет на расследование подобных дел. Если органами предварительного следствия не будут установлены способ доведения, то состав преступления отсутствует, и лицо не будет привлечено к ответственности.

Другой проблемой является то, что за подстрекательство к совершению самоубийства ответственность не назначается, что вызывает проблемы при регламентации действия, которые взаимосвязаны с составом ст. 110 УК РФ, но им не являются. Например, группы-смерти.

В силу массового распространения «групп-смерти», реализуется различного рода пропаганда самоубийства, распространения которой происходит в основном в «Интернете», но и другими путями.

Например, на жевательных резинках, появляются обёртки с хештегами «Синих китов». Данные действия следует расценивать, с уголовно-правовой точки зрения, как пропаганду «ритуала смерти». Однако ответственности за это не предусмотрено, что также вызывает проблемы при квалификации отношений, которые связаны с ст. 110 УК РФ.

Исходя из опыта зарубежных стран, предлагаем следующую формулировку диспозиции статьи 110 УК РФ:

«1. Угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение достоинства потерпевшего, если они повлекли самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего, а также подстрекательство к совершению самоубийства, — наказываются...

2. Доведение до самоубийства или попытки самоубийства:

а) двух и более лиц;

б) с использованием средств массовой информации;

в) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в то числе сети «Интернет»;

3. Деяния, перечисленные в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии вследствие болезни, престарелого возраста и по иным причинам, — наказываются...

4. Пропаганда самоубийства, а также иное распространение информации, товаров, предметов и иных вещей, содержащих призыв к совершению самоубийства или которые содержат информацию о лицах, социальных сетях и иные указания, где можно найти информацию, товары, предметы или иные вещи о самоубийстве — наказывается...»..

Реализация данных положений, думается, будет способствовать, с одной стороны, учету современных тенденций, ужесточению уголовной ответственности за доведение и склонение к самоубийству, а также не позволит избежать ответственности лицам, умышленно склоняющим к совершению самоубийства, а также манипуляторам детской психикой, которые безобидной, по их мнению, «игрой», доводят ребенка до суицидальных мыслей и поступков.

Литература:

1. URL: http://www.interfax.ru/russia/554375 (дата обращения: 14. 04. 2017 г.)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
3. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
4. Булычев Е. Н., Ситдикова А. Ф. О необходимости установления уголовной ответственности за пропаганду и популяризацию суицида среди несовершеннолетних// Экономика, право, менеджмент: современные проблемы и тенденции развития, 2016. № 11. С. 1–4.
5. URL: http://ru.espreso.tv/article/2017/02/24/synyy_kyt (дата обращения: 14. 04. 2017 г.)
6. URL: http://www.tomsk.kp.ru/daily/26642.7/3660934/ (дата обращения: 13. 04.2017 г.)
7. URL: http://www.gagauz.md/2017/03/administrator-sinego-kita-ya-ne-boyus-chto-menya-posadyat/ (дата обращения: 13. 04.2017 г.)

8. URL: http://www.niatomsk.ru/more.php? UID=58787 (дата обращения: 13. 04.2017 г.)
9. URL: http://niatomsk.ru/more/58942/ (дата обращения: 14. 04. 2017 г.)
10. Уголовный Кодекс Австрии. СПб.: Изд-во «Юридический Центр-Пресс» 2004. 352 с.
11. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб.: Изд-во «Юридический Центр-Пресс», 2002. 350 с.
12. Уголовный кодекс Франции. СПб.: Изд-во «Юридический Центр-Пресс», 2002. 648 с.

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Некоторые проблемы криминалистической экспертизы видеоизображения

Белкова Галина Геннадьевна, магистрант
Научный руководитель: Шапошников Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

В статье рассматриваются основные особенности и актуальные проблемы криминалистической экспертизы материалов видеозаписи. Автор выделяет ее стадии и классифицирует вопросы, решаемые в процессе данной экспертизы. Особое внимание уделяется оценке доказательственного значения видеоизображения. По итогам проведенного исследования указываются направления развития криминалистических исследований в области экспертизы материалов видеозаписи.

Ключевые слова: *видеозапись, доказательственное значение, идентификация, диагностика, признаки внешности человека, информация*

Preparation, purpose, organization of criminal expertise and evaluation of the evidentiary value of video recording

Belkova Galina Gennad'evna, undergraduate student
Samara State University

The article is devoted to the main features and current problems of forensic examination of video recording. The author singles out its stages and proposes a classification of the issues addressed in the course of this examination. Special attention is paid to assessing the evidentiary value of the video image. The results of this study indicated directions for the development of criminal expertise of video recording.

Keywords: *video recording, evidentiary value, identification, diagnosis, signs of a person's appearance, information*

Современные возможности видеозаписи и технических комплексов ее анализа существенно расширили круг задач, решаемых сегодня оперативно-розыскными и следственными подразделениями органов внутренних дел. Наглядно-образная информация, получаемая в процессе видеонаблюдения, все чаще используется ими для предотвращения, раскрытия и расследования преступлений. Однако приобщения материалов видеозаписи к уголовному делу еще недостаточно для признания их полноценными доказательствами — они должны быть относимыми, допустимыми и достоверными. Проверка видеоизображения позволяет определить как механизм его формирования, так и качество его источников, полноту, непротиворечивость содержащейся в нем доказательственной информации. Одним из следственных действий, в рамках которого такая проверка производится в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, является криминалистическая экспертиза. В настоящей статье рассматриваются ее основные особенности.

Заметим, что вопросы, решаемые в процессе криминалистической экспертизы материалов видеозаписи, несмотря на их разнообразие, можно классифицировать на пять групп. Прежде всего, это вопросы, связанные с исследованием материалов видеозаписи на предмет фальсификации сюжета, места и времени происходящего события. Ко второй группе относятся вопросы, связанные с габитоскопическими исследованиями в отношении зафиксированных в материалах видеозаписи лиц, т. е. с диагностическими, классификационными и идентификационными задачами. Исследования звукового сопровождения видеоизображения, анализ звукового фона, отдельных звуков, речи, совпадение речи с артикуляцией образуют третью группу вопросов. Также перед экспертом могут быть поставлены вопросы, на которые он отвечает в ходе исследования по определению астрономического времени событий, зафиксированных видеозаписывающими устройствами, их продолжительности и последовательности. Наконец, исследования, имеющие своей целью решение ситуационных

задач по отдельным фрагментам сюжета видеозаписи, позволяют эксперту ответить на вопросы пятой группы.

К решаемым при исследовании материалов видеозаписи ситуационным задачам относятся, например, установление скорости автомобиля в момент ДТП, силы удара или силы броска предмета. Их можно установить путем проведения покадрового анализа видеоизображений, которые получены при фиксации системами видеонаблюдения. Так, эксперт фото/видео техник ЭКЦ ГУ МВД России по Самарской области применяет в своей работе методику, связанную с определением скоростных параметров движения объекта по видеозаписям, полученным с использованием камер видеонаблюдения и видеорегистраторов. Данная методика применяется в случаях необходимости определения скорости движения автотранспортных средств, пешеходов и различных объектов, находящихся в поле зрения видеокамер наблюдения и видеорегистраторов, как правило, при ДТП. Она была разработана в 2012 г. П. И. Вашко и А. В. Самохваловым.

Правовые основания организации и проведения криминалистической экспертизы видеоизображения содержатся в главе 27 УПК РФ, а также в Приказе МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Вопрос о необходимости проведения экспертизы решает следователь, который в своем постановлении указывает основания ее назначения, формулирует вопросы и определяет материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта (ст. 195 УПК РФ). Специальные знания эксперта могут потребоваться при возникновении сомнений в подлинности, цельности материалов видеозаписи при признании их доказательствами по уголовному делу и оценке их доказательственной значимости. Как отмечает В. А. Лазарева, «наиболее существенная особенность заключения эксперта состоит в том, что оно отражает информацию, недоступную непосредственному чувственному восприятию следователя, дознавателя, прокурора или судьи» [1, с. 279].

Проблема доказательственного значения информации, полученной с использованием цифровых средств видеозаписи, обусловлена возможностью изменения зафиксированных данных с помощью компьютерных технологий. Достижения в области компьютерных технологий предоставили возможность не только профессионалам, но и любителям создавать видеосюжеты в домашних условиях, корректируя изображение и звук, чем, разумеется, могут воспользоваться как добропорядочные граждане, так и преступники. По мнению М. А. Сильнова, «с помощью цифровых видео- и фотокамер можно производить наложение движущегося объекта на другой фон, изменять визуальные свойства объекта (например, изменять цвет одежды) и т. д. уже в момент записи, не говоря уже о последующей обработке данных в мощных графических программах-редакторах, кстати, на обычных персональных компьютерах» [2, с. 103]. В этом случае основная задача эксперта состоит в исследовании представленного видеоизображения с целью ответа на вопросы об использовании междукадрового и внутрикадрового монтажа, о различных подчистках и поправках, внесенных в материалы видеозаписи.

Криминалистическая экспертиза видеоизображения может проводиться и для решения идентификационных задач. При этом особенности портретной экспертизы, являющейся одним из сложнейших видов криминалистических исследований, определяются техническими характеристиками устройств, с помощью которых была получена видеозапись, и способами ее дальнейшей обработки и хранения. Такая экспертиза производится в целях установления наличия или отсутствия тождества лиц, изображения которых представлены на различных носителях портретной информации (фотоснимках, кино- и видеозаписях) на основе изучения признаков внешнего облика человека. Тем не менее, часто по материалам видеозаписи оказывается затруднительно или даже невозможно идентифицировать преступника. Причинами этого могут быть и технические особенности устройств видеозаписи (использование малобюджетных видеокамер с небольшой разрешающей способностью), и человеческий фактор. Например, следователь просит операциониста записать видеоинформацию на диск, но тот, чтобы сэкономить время, требуемое для перекодировки, выбирает отдельный видеопоток, который он форматирует в сторону уменьшения размеров. Разумеется, от этого ухудшается качество представляемого на экспертизу видеоизображения. Наконец, «традиционная методика портретной экспертизы, разработанная еще в прошлом столетии, ориентирована преимущественно на фотоснимки с хорошо отобразившимися на них элементами лица, и в меньшей степени на видеоизображения, которые уступают по качеству, но выигрывают за счет динамики запечатленных движений» [3, с. 158].

На разрешение портретной экспертизы ставятся следующие вопросы идентификационного характера: 1) одно или разные лица изображены на фрагментах видеозаписи, полученных с камер видеонаблюдения? 2) нет ли среди лиц на групповом видеоизображении того лица, фотоснимок которого представлен на экспертизу? 3) одно или разные лица изображены на видеозаписи, изъятой в ходе выемки из организации, и на фрагментах видеоизображений или фотоснимках, полученных в ходе отбора экспериментальных образцов для сравнительного анализа?

Кроме того, экспертиза видеоизображения позволяет получить ответы и на некоторые диагностические вопросы. Например, определить половую принадлежность лица, изображенного на видеоизображении; установить его антропологический и конституциональный типы (телосложение); отнести его к определенной возрастной группе.

Тем не менее, следует учитывать тот факт, что при производстве идентификационных портретных экспертиз по материалам видеозаписи не всегда удается решить вопрос в категорической форме. Это объясняется в том числе

недостаточной полнотой отображения информации, т. к. при малом размере фиксируемого объекта многие признаки внешности не различаются на видеоизображении. Как отмечает Н. Н. Ильин, «под полной информацией следует понимать высококачественную видеосъемку человека, осуществляющуюся по правилам сигналетической (опознавательной) фотосъемки в условиях хорошего освещения, в полный рост, в статике и динамике, при спокойном выражении лица, а также размер отображения головы человека в кадре, позволяющую в дальнейшем проводить портретную идентификацию (1/5–1/6 площади видеокадра)» [4, с. 244]. Только на таких видеоизображениях отображается комплекс признаков элементов внешнего облика человека (комплексных, анатомических и функциональных).

Рассмотрим три вида неполной информации, которую могут содержать материалы видеозаписи, представленные на экспертизу.

1. Ограниченная информация, предполагающая изображение человека по пояс или в рост в динамике или в статике. Причинами ограничения информации обычно являются условия съемки (например, освещение), при которых происходит неполное отображение комплекса идентификационных признаков внешности человека, теряются качественные признаки внешнего облика, утрачиваются мелкие детали его лица. Такие видеоизображения используются для экспертной идентификации только в комплексе с другими материалами и при соблюдении определенных условий.

2. Частичная информация о росте, фигуре, осанке человека, косвенных признаках в динамике и статике. Лицо человека хорошо не просматривается из-за неудачного ракурса съемки, т. к. оно скрыто за деталями одежды. Поскольку на видеоизображении отсутствует комплекс идентификационных признаков человека, необходимых для экспертного отождествления, его использование в экспертных целях ограничено.

3. Фрагментарная информация — наличие отдельных фрагментов, которые характеризуют внешний облик человека: фигура, признаки одежды, отдельные динамические признаки и т. п. Такие изображения в экспертных исследованиях могут использоваться в исключительных случаях в комплексе с другими материалами.

При проведении экспертизы материалов видеозаписи также важно иметь в виду то, что габитоскопические методики криминалистического отождествления личности по признакам внешности, запечатленным на видеоизображении, базируются на портретной идентификации по статичным изображениям. Поэтому если лицо преступника зафиксировано в неудачном ракурсе или скрыто маской, то они оказываются бессильными. Как отмечают С. М. Колотушкин и В. А. Егельский, в подобных случаях использование существующих методик, основанных на сопоставлении константных точек, наложении разноименных половин лица, симметрии элементов внешности, невозможно или существенно затруднено. Следовательно, должна вестись разработка таких «методов, которые обеспечивали бы идентификацию человека по изображению отдельных элементов его лица» [5, с. 202].

Материалы видеозаписи содержат значительную по объему и весьма разнообразную информацию, касающуюся функциональных признаков внешнего облика человека. Речь идет о его походке, жестах, мимике, артикуляции. Очевидно, что они могут исследоваться только в динамике, т. к. статические иллюстрации внешности человека не передают этих свойств. Функциональные признаки внешности человека, проявляющиеся в динамике, характеризуются индивидуальностью, динамической устойчивостью, а также избирательной изменчивостью. Эти качества имеют важное значение для решения идентификационных и диагностических задач габитоскопии. Поэтому необходимо совершенствовать технические средства видеозаписи, чтобы фиксировать, сохранять и воспроизводить для криминалистического исследования такую информацию, и развивать методики этого исследования.

Криминалистическая экспертиза материалов видеозаписи представляет собой процесс, включающий в себя несколько этапов (стадий). На первом этапе (подготовительная стадия, предварительное исследование) происходит подготовка видеоматериалов к проведению портретной экспертизы (выявление и оцифровка отдельных кадров); стандартизация терминологии при описании видеотехнического материала; установление наличия или отсутствия монтажа. Предварительное исследование материалов видеозаписи проводится в целях выяснения возможностей достоверного отождествления личности по видеопортретам, а также для установления и анализа действия факторов, изменяющих качество видеоизображения и черты лица. Эксперт определяет те критерии, по которым данное видеоизображение должно быть признано пригодным для идентификации человека по признакам внешнего облика.

На следующей стадии криминалистической экспертизы материалов видеозаписи осуществляется раздельное и сравнительное исследование. При этом необходимо принимать во внимание специфику раздельного и сравнительного исследования как по признакам функциональных элементов внешности человека, так и лиц, запечатленных на видеоизображении с различным (произвольным) ракурсом, а также особенности раздельного и сравнительного исследования при проведении многообъектных портретных экспертиз по видеоизображениям. Как отмечается в научной литературе, актуальной проблемой при проведении криминалистической идентификации человека по признакам внешности, отобразившихся на материалах видеозаписи, является оценка результатов сравнительного исследования [4, с. 247]. Под ней понимается суммирование информации, полученной в ходе сопоставления исследуемого видеоизображения и образцов, представленных для сравнительного исследования.

Подчеркнем, что экспертные исследования материалов видеозаписи систем видеонаблюдения, например,

установленных в помещениях ОВД, часто производятся в рамках комплексных экспертиз. Они предусмотрены ст. 201 УПК РФ и производятся для решения смежных (пограничных) задач различных родов (видов), классов экспертиз. Эти экспертизы не могут быть разрешены на основе лишь одной отрасли экспертных знаний (класса, рода экспертизы). К их отличительным особенностям относятся: 1) решение пограничных вопросов экспертиз разного рода; 2) одновременное совместное участие в производстве экспертизы экспертов разных специальностей либо одного эксперта, обладающего разнопрофильными знаниями; 3) применение при производстве экспертизы специальных знаний из смежных областей; 4) сформированный по итогам совместного исследования общий вывод.

Окончательным этапом процессуального закрепления материалов видеозаписи в качестве вещественного доказательства является их оценка. Она означает признание пригодности видеоизображения, представленного на экспертизу, служить доказательством по уголовному делу. Существенную помощь следователю в оценке содержащейся в материалах видеозаписи доказательственной информации оказывает эксперт-криминалист. Он может установить следующие обстоятельства: связь имеющихся доказательств с расследуемым событием (относимость доказательств); наличие у изъятых вещественных доказательств диагностических и идентификационных признаков, необходимых для их дальнейшего использования в процессе доказывания (допустимость доказательств); соответствие представленных на экспертизу объектов специальным требованиям подлинности происхождения (достоверность доказательств); достаточность полученных доказательств для подтверждения следственной версии (достаточность доказательств).

При оценке доказательств сопоставляется информация, содержащаяся в материалах видеозаписи, которые выступают в качестве вещественных доказательств, и в других источниках (например, свидетельские показания о факте и времени нахождения подозреваемого в помещении, где совершено преступление). Если информация подтверждается другими доказательствами, то доказательственное значение материалов видеозаписи возрастает.

В целях расширения и развития криминалистических исследований в области экспертизы материалов видеозаписи необходимо совершенствовать имеющиеся и разрабатывать новые методики решения идентификационных и диагностических вопросов. Активное использование современных цифровых технологий должно обеспечить получение более качественной информации о внешности человека в различное время суток и при различных погодных условиях, а также о функциональных элементах и признаках его внешнего облика, проявляющихся в динамике. Это является условием повышения эффективности криминалистической экспертизы материалов видеозаписи и ее доказательственного значения в уголовном процессе.

Литература:

1. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. М.: Высшее образование, 2009. — 344 с.
2. Сильнов М. А. К вопросу о допустимости использования цифровых технологий в доказывании при расследовании преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 1998. — № 3–4. — С. 103–104.
3. Попов В. Л. Особенности производства портретных экспертиз по низкокачественным видеоизображениям // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 4. — С. 156–162.
4. Ильин Н. Н. Проблемные вопросы, связанные с производством портретных экспертиз по видеоизображениям // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 4–2. — С. 243–247.
5. Колотушкин Е. М., Егельский В. А. К вопросу о возможности идентификации человека по изображениям элементов лица человека, не закрытых маской // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. — 2015. — № 5–6. — С. 200–205.

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Международный научный журнал

№ 2 (02) / 2017

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:
Дядюн К. В.
Кенесов А. А.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Яхина А. С.

Руководитель редакционного отдела:
Кайнова Г. А.

Ответственный редактор:
Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Майер О. В.

Международный редакционный совет:
Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Кошербаева А. Н.
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Кыят Э. Л.
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:
почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;
фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2587-8573

Подписано в печать 05.12.2017. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25